Путь меча

Автор:
Владислав Шубин

Путь меча

Владислав Шубин

Хроники Саргона #1

Сила духа и врожденная упертость против мира магии и меча. Яркий, безжалостный мир древних рас. Средневековые войны и суровый быт, и наш современник, ценящий свою скромную и спокойную жизнь. Реально ли ему преуспеть там, где он никому не нужен, и, преодолев препятствия, вернуться домой? Поживем – увидим.

Владислав Шубин

Путь меча

© Владислав Шубин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1. Вызов

Западное побережье со своими скалами и подводными рифами издревле пользуется у моряков дурной славой. И не напрасно. Свинцовые волны беспокойного моря с неудержимой монотонностью бьются об острые скалы,

словно зубы страшного чудовища, торчащие из воды. Всё здесь наполнено тягостным ощущением опасности, мрачным ожиданием чего-то неизбежно жуткого. Здесь навсегда поселился пронизывающий до костей ветер, поющий стылую песнь среди скал и руин древнего города. Это место гостей не любит.

Вдоль залива мертвецов, так местные называют эту бухту, в неспокойную погоду бесследно пропадают рыбацкие шхуны. Ходить за рыбой сюда не принято. Плохое место, гиблое. Не принесет удачи улов, добытый в таком месте.

Уже в который раз кривой Ульмо шепотом выругался, поминая матушку своей старухи, упокой душу её Светлые боги. Дочку она воспитала себе под стать. Где это видано – ставить сети в бухте мертвецов, к тому же в такую погоду. Да если на рынке узнают, откуда рыба, последнее здоровье выколотят или того хуже из гильдии выгонят, тогда уж одна дорога – камень на шею и в воду.

Не понимает женщина, совсем не понимает. Большая часть жизни уже прожита, ни одного черного волоса на голове, зубов уж половины нет, детей не нажили, куда копить деньги? В могилу с собой не унесешь, от Келемвора не откупишься. Истинно про баб говорят: волос длинный – ум короткий.

Хотя в таком возрасте грех уже бояться загробного мира, пожил на свете, что уж теперь. Вот только слишком уж дурная слава у этого места. В припортовых тавернах нет-нет да и зайдет речь про потусторонние огни и звуки, исходящие из руин, заманивающие авантюристов в ловушки, из которых никто не возвращается. Тут не за жизнь надо бояться, а за посмертие. Старика передернуло. Ещё дымка эта над водой, будь она неладна. Хорошо, что ночь сегодня светлая, не так страшно будет возвращаться домой. Светлая? Хотя какая она к Шеолу светлая! Одна звезда только горит прямо над головой, над осыпавшейся стеной старой крепости. Большая ЗЕЛЕНАЯ звезда!

– Матушка моя! – Ульмо потер слезящийся глаз. Прямо у края обрыва нависающей над водой скалы, на земле, мерцал тусклый зеленый огонь. Вопреки воле ветра, он время от времени выбрасывал языки своего пламени строго вверх, словно дышал. Что-то завораживающе было в пульсации этого мертвенно-блеклого света, что-то по-колдовски затягивающее в своё наваждение. Внезапно от берега раздался приглушенный расстоянием стон, от звука которого по спине старика промчался холодными ногами целый табун мурашек и моментально привёл его в чувство. Громко стуча зубами, Ульмо начал быстро вытягивать трясущимися руками невод.

– Светлые боги, услышьте мою молитву. Спасите неразумное дитя свое, – забормотал давно забытые молитвы старик. Раздался ещё один стон, громче и страшнее предыдущего. Бросив скомканный невод и вставив окоченевшими руками весла в уключины, Ульмо перерезал веревку, удерживающую утлое судёнышко на месте. Сил и тем более желания вытаскивать якорный камень из воды не было.

Бормоча молитвы и вразнобой хлопая по воде веслами, старик спешно направил лодку подальше от берега. Отплыв от скалы на безопасное расстояние и поставив парус, старик всю дорогу до порта грязно ругался, поминая нехорошими словами жену и свою глупость.

В то самое время, когда старый Ульмо только закидывал свой невод, на утесе, далеко выдающемся в море, скрытые от нечаянных взоров остатками поросших диким плющом построек, стояли два человека.

Первый – невысокий плотный крепыш – был одет в тунику практикующего подмастерья общей магии. С самодовольным выражением лица он выполнял какие-то сложные манипуляции с горящим у его ног огнем призрачно-зеленого цвета. От его действий пламя то стелилось по земле, то взмывало на высоту человеческого роста, бросая свой зловещий отсвет на поверхность воды. Сам огонь, попирая основы природы, горел прямо из темного плоского камня, по самую макушку утопающего в поросшей травой земле.

У ног магика расположился ряд мрачных ритуальных принадлежностей: кроваво-красный камень, с кулак ребенка величиной, похожий на рубин, с изъяном – в виде мутной дымки внутри; чашка с синей, неприятного вида жидкостью, и замыкал треугольник – трехгранный прямой нож, с обломанным посередине лезвием.

За спиной занятого делом подмастерья, прислонившись к остаткам каменной стены, стоял сухощавый человек. По неброской поношенной одежде можно было понять, что он принадлежит к адептам храма Зара, некогда могущественного ордена огнепоклонников. Своей позой он словно олицетворял саму невозмутимость. Цвет его кожи был смуглее обычного для этого края, а тонкие черты лица и слегка с горбинкой нос говорили о некоторой примеси восточной крови.

Если бы кто-то мог видеть происходящее, то сразу бы понял, что свести двух настолько разных людей вместе, ночью и на запретной территории, могло только очень важное дело.

– Аргайл! Ты долго там стоять будешь? У меня уже силы на исходе. Пошевели конечностями для общего дела, не видишь, благородный господин устал? – Коротышка осклабился, не прекращая, тем не менее, медленных пассов руками над пламенем и нарисованной вокруг него пентальфы.

По правде говоря, упоминать благородство происхождения было сильным преувеличением. Род Бойда хоть и первые богачи на побережье, однако положением обязаны своему предприимчивому предку из зажиточных мастеровых, который во времена Сумеречной империи снабжал войска второсортным вооружением, причем поговаривают, что работал на обе стороны.

Несмотря на статус дворянина, высший свет так и не принял в свой круг выскочку, потомка недавних торгашей. Благодаря финансам семьи, это сформировало некоторый запас спеси перед родовыми дворянами, которую Бойд всячески демонстрировал, при каждом удобном и неудобном случае.

– Подай Ключ, грызун библиотечный! Время! – Аргайл, не обращая внимания на зубовный скрежет Бойда, не торопясь дошел до развалин крайней стены, где была сложена их поклажа. Также неспешно, поочередно вынимая предметы, вытащил из лежащей у стены сумки керамический стержень в три пальца толщиной и в три ладони длиной. Выглядел этот предмет совершенно непритязательно: часть верхушки одной из сторон отломлена, трещины и сколы на гранях, а по всей длине наискось, едва видимые, полустёршиеся руны.

Аргайл усмехнулся от пришедших в голову мыслей. Одна из загадочных реликвий Сумеречной империи почти два века прослужила ручкой двери в храмовые кладовые. Он сам никогда бы не обратил на неё внимания, магии в Ключе почти не осталось, если бы не недавно отрытый свиток жизнеописаний Тоскора Угрюмого, одного из странствующих жрецов Зара. Жрец этот жил так давно, что сведений о нем осталось лишь на обгрызенные невежественными крысами полсвитка, который лежал на самой верхней полке, между описанием приготовления мази от геморроя и трактатом о видах соцветий луговых цветов.

В свитке описывались похождения мэтра Тоскора в восточных горах вперемешку с описанием быта и семейного уклада гномьих кланов. Обрывался же свиток как назло на рисунке данного артефакта и первом абзаце, описывающем то, как Ключ был обменян Тоскором на одну меру соли, а до этого служил гномам в качестве колотушки для теста. Ещё в тексте упоминалась восторженность Тоскора от обладания самим Ключом и сожаление о том, что открыть врата невозможно без камня истинной крови. Сам Тоскор, судя по отрывистым упоминаниям в других трактатах, исчез при загадочных обстоятельствах более десяти веков назад. Больше сведений о нем не было. И это было крайне странно, храм Зара чтил память о своих патриархах, сохраняя малейшие крупицы жизнеописаний в своих архивах.

Когда-то, давным-давно, культ Зара был основной религией западного побережья и обладал немалым весом в управлении Сумеречной империи. Однако в момент противостояния империи альянсу людей и эльфов почему-то соблюдал нейтралитет, поэтому после капитуляции последнего – западного – форта Дроу был обречен на забвение.

Впрочем, несмотря на лишение многих привилегий, со жрецами приходилось считаться, враги культа жили недолго и имели странную привычку самовозгораться столь сильным и негасимым пламенем, что нередко сжигали заодно и весь свой дом вместе с домочадцами.

Что за врата можно открыть, Аргайл обнаружил только спустя несколько лет после прочтения свитка. К тому времени он уже окончил храмовую школу элементарной магии и начал свою практику.

Закончив с воспоминаниями, Аргайл подошел к Бойду и протянул ему Ключ.

– Наконец-то! Я уж думал, ты заснул там как обычно над своими книгами. Отойди в сторону, не мешай мастеру работать. – Бойд, нетерпеливо отпихнув напарника, поместил Ключ в отверстие в камне и сразу отошел назад. Как оказалось, вовремя. Над камнем агрессивно взметнулось зеленое пламя в рост человека, впрочем, все так же бездымное и не дающее жара. Показалось, что по обрыву прошла призрачная дрожь, заставляющая шевелиться все волоски на коже.

– Чего-то не хватает, – пробормотал подмастерье, поворачиваясь, и только сейчас увидел в шаге за спиной Аргайла.

Бойд недоуменно поднял брови, прежде чем его бывший товарищ с силой толкнул его в бушующее пламя.

Нестерпимая боль, обжигающая кожу, навалилась на Бойда. Он успел только открыть рот для крика, как языки огня проникли внутрь, мир вспыхнул и погрузился во тьму. Пламя взметнулось ввысь и опало, не оставив и следа от дворянина в третьем поколении.

– И кто теперь господин?! Жертва нужна для открытия врат! Жертва! Надо было книги читать, а не по бабам и выпивке состязаться! – нехорошо усмехнувшись, процедил Аргайл сквозь зубы.

Внезапно камень, издав противный полускрежет-полувопль, треснул посередине. По скале пронеслась мерцающая, плотная волна энергии, которая сбила Аргайла с ног и, протащив несколько метров, закинула в куст репейника. Последнее, что он увидел, прежде чем удариться головой о валун, было темно-красное пятно, быстро разрастающееся на месте пламени. Оно было похоже на несколько огненных вихрей, хаотично круживших вокруг ярко горящего шара размером с голову ребенка, и точно не было похоже на врата схрона…

* * *

«…и сказал тогда Жрец: – “Оставь этот мир и уйди, отродье богомерзкое! Вдосталь исстрадалась земля от игр твоих демонских”.

Но смеялся демон, слюной своей мерзкой, жреца одеянья испачкав! И смеялось воинство тьмы вслед за ним, орудиями смерти потрясая и богохульствуя.

Воззвал тогда Жрец к прародителям Света, и взмолился он о ниспослании сил. Был ответ сотрясению тверди подобен, и потекли реки силы, чрез длани Жреца, злого демона устрашая.

Охватило пламя божественное Жреца и демона; взмолился тогда демон, пощады желая, но твёрд был Жрец в вере своей.

Грянул гром. Вспыхнули оба светом ярким, с лица земли исчезая, и только посох Жреца да жирный пепел на месте том остался.

Армия демона же, силы потеряв, бита была и бежала, и гнались вслед за ней воины Света, десятками врагов жестоко убивая…».

«ТЬМА! Умри, тварь!!! ЧТО? КАК? Где эта преподобная сволочь! – Существо, громко клацнув внушительными челюстями, зевнуло, обнажая частокол кинжалообразных зубов. – И тут эти благообразные подгадили, такой сон испортили. Хотя, какой еще к праведникам сон?! ГДЕ МОЁ ВОЙСКО??»

С явным отвращением оглядывая неказистую местность, демон отметил полное отсутствие всякой разумной жизни. Право слово, разве можно считать разумным вонючего хассита, выродка презренных предателей. Однако же в обозримом пространстве не предвидится больше никаких вариантов, так что, может, и этот червь на что-то сгодится.

Повернувшись в сторону ошарашенно наблюдающего за ним человека и заметив страх на его лице, демон довольно осклабился.

– Иди сюда, букашка! Я тебя не больно съем. – «Нет, ну что за погань?! Потерял сознание». Задумчиво почесав призрачной пятерней затылок, демон решил пока осмотреться сверху. Всё остальное подождет.

Взлетев на сто локтей вверх, он увидел только бескрайнее море леса и руины на месте города. «Какой покойник посмел отобрать у меня месть?!» – Начиная терять самообладание, демон плавно спланировал вниз. Соображается пока плохо, но следовало осмыслить, что происходит, прежде чем что-то предпринимать.

Судя по изменениям разлитой вокруг маны, прошло не менее десятка циклов, но это еще стоит проверить. Руины на месте города также не давали обмануть себя, что всё случилось только вчера.

Без усилия войдя в сознание хассита, демон во весь свой неслабый голос издевательски заухал: всё-таки жадность – его любимый порок. Эти идиоты

решили, что Ключ запирает схрон, доверху наполненный древними артефактами и бесхозным золотом. Как и всегда, предусмотрительность самоокупается, его освобождение – яркое тому доказательство. Два цикла в шкуре странствующего жреца это справедливая плата за свободу. Жаль, не все враги смогут ощутить на себе жаркую благодарность за столь долгое заточение. Скорей всего, банально умерли от старости, не дождавшись ответных даров.

Были и положительные моменты. За время его продолжительного отсутствия даже гремящее костями врагов имя Кха-Белет было стёрто из памяти и похоронено за краткой жизнью смертных. Башни Тарриваэля уже не существовало, а ведь когда-то это был неплохой демонолог, поморщившись, демон это признал. Плохой бы не смог удерживать его тысячу с лишним лет.

Все же не время предаваться воспоминаниям. При открытии врат произошел сильный энергетический выплеск. Даже если самонадеянно рассчитывать, что за тысячу лет многое забылось, недооценивать потенциального противника не стоило. Не в этом состоянии. Он еще слишком слаб. Пока слаб…

В сознании хассита хранилось довольно много информации по различным темам, и демон решил оставить его в живых, маны еще довольно много, к тому же послушная личина не помешает. В его теперешнем, призрачном состоянии выбирать не приходится. Пока не создашь себе новое тело взамен утраченного, энергия будет уходить в пространство чудовищными темпами, а делиться демон не любил с детства.

Кстати об энергии! Впитать её не получается. Резерв после стольких лет, как худой мешок, благо хоть на существование хватает, однако можно употребить её на нужное дело. Врата будут открыты еще какое-то время, что ему на руку.

Вселившись в тело хассита, он выпустил конструкт астральной паутины. Заклинание далось легко и непринуждённо, словно и не было веков забвения в «Мире без ничего». Для удержания врат нужна жертва. Повертевшись на месте, он почувствовал неподалеку тусклую искру разума, какой-то крупный зверь затаился в зарослях. Потянувшись в сторону биения жизни, обнаружил закрытое щитами воли сознание, чему немало удивился. Грубо взломал защиту и, захватив управление над телом, вывел пойманное существо на открытое пространство.

Судя по расцветке – пятилетний шергард. Их выводили маги, специально для охраны своих владений. Взрослая особь шергарда обладала хорошей защитой от боевой магии, а кроме этого, была разумной и весьма свободолюбивой. В свое время эти магические гибриды кошек и рептилий попортили разумным немало крови. Только сильные маги разума могли контролировать подобных созданий, да и те из воспаленного чувства самосохранения в итоге отказались от таких сторожей, чрезмерно самостоятельными и кровожадными получились питомцы.

Переместив тушу животного ближе, – шергард даже в таком состоянии умудрялся сопротивляться захватчику, – демон уложил животное в центр площадки. Освободился от личины и взмыл на десяток локтей, затем, связав некоторое количество энергии в кончиках когтей, несколькими профессиональными росчерками, начертил восьмиугольник вокруг туши. Резкие линии проплавили каменистую почву на несколько пальцев. Поставив знаки средоточия, которые должны будут удержать печать астрального поиска на достаточное время, демон вернулся вниз.

Произнеся необходимые слова, Кха-Белет резким движением разорвал горло зверя, вскрывая крупные артерии. Фонтаном брызнула темная кровь, попав на линии рисунка и заполняя собой канавки. Принимая жертву, печать стала пульсировать силой и светиться в видимом спектре. Дождавшись необходимого момента, демон произнес ключевое слово, передавая энергию заклинанию.

Глава 2. Утро добрым не бывает, или о сомнительной пользе бега

Наливая себе горячий кофе, Федор умудрился опрокинуть чашку на новые джинсы и перепугал негодующим воплем кота, занимавшего обзорную площадку на стремянке: ввиду перманентного ремонта, на кухне она стояла уже полгода.

Кот, от испуга раздувшись вдвое, с фантастической быстротой прокручивая лапами на ламинате, скрылся под ванну, по дороге свалив тумбочку.

Поменяв джинсы, Мальцев обнаружил, что неприятности только начинаются – лежавший на тумбочке сотовый разлетелся на части и после сборки не хотел включаться. Оставив поломку на потом – время было уже идти на работу, парень

вышел за дверь и обнаружил отсутствие ключей. Потратив на поиск полчаса ускользающего времени и перерыв все вещи вверх дном, он нашел связку в испачканных кофе джинсах. К этому времени Федор уже был на грани паники: опоздания в конторе, в которой он трудился, не приветствовались.

Он как всегда зачитался с утренней чашкой кофе, вот теперь приходится снова торопиться. Нелегко было и книгу бросать на интересном месте, на пару дней всего взял почитать у знакомых. Меринг, «История войн…», оказался интересным рассказчиком и неплохим аналитиком средневековья. Вообще Мальцев любил книги о древних временах, даже в институте любимым предметом была история.

Помянув плохим словом свалившийся вдруг ком мелких неприятностей, парень искренне пожелал только, чтобы на этом они и закончились. Однако мольбы его не были услышаны.

Выбежав из подъезда, Мальцев с размаху наступил в уже оттаявшую лужу, добавив себе впечатлений от сегодняшнего утра. В автобусе ему, стоящему у входа, оттоптали ноги, а пара отчаянных бабулек, профессионально работавших локтями, умудрились выпихнуть его на остановку раньше.

Пробежав на крейсерской скорости мимо укоризненно смотрящей вахтерши и облегченно рухнув на рабочее место, Федор принялся уже было читать почту, как поступил звонок от заместителя директора фирмы.

С некоторой долей фатализма ожидая нотаций, он под сочувственными взглядами коллег уныло поплелся в приемную. Разговоров с Левиным парень не переносил. Не то чтобы заместитель директора как-то ущемлял подчиненных, просто часто повторялся и вставлял поучительные случаи из собственной жизни, которые должны были, по его разумению, наставить сотрудников на путь истинный. Из-за этой его привычки в фирме он выполнял чаще всего карательные функции.

– Федор Романович. – Левин предпочитал называть подчиненных по имени-отчеству, как бы дистанцируясь. – Вы уже второй раз за месяц опаздываете, в этот раз вообще почти на полчаса. Потрудитесь объяснить, с чем это связано, только давайте не будем вспоминать про больную бабушку и котов на деревьях.

К слову сказать, Мальцев один раз действительно задержался, снимая с дерева своего кота. Любимый питомец как-то умудрился выбраться с балкона на ветку и, сидя на ней, истошно орал, перебудив половину дома, пока его не сняли. По всей видимости, дурное животное мстило ему тем самым за профилактический карцер на летнем балконе.

– Я никак не понимаю вашего отношения к рабочему графику. – Левин выделил «вашего». – Вот обратите внимание на Марину Князеву, по ней часы сверять можно.

На Мариночку, секретаря директора, парень обращал внимание часто, но совсем по иному поводу. Голубоглазая высокая шатенка была эрогенной зоной всей мужской части конторы. С её появлением в приёмной в фирме негласно возник четвертый объект, на который можно было смотреть бесконечно долго. Японские соучредители в каждый свой приезд фотографировались с ней, как с экзотической достопримечательностью, создав целую традицию. Сухой лысенький мистер Кобаяси, обманчиво выглядящий как дедушка-одуванчик, на всех фотографиях норовил прижаться к секретарю поближе, и то, что доставал он макушкой лишь до груди красавицы, его не смущало.

Впрочем, тараканы японца, вскормленные хентаем, Мальцева не интересовали, но вот объект интереса у мужчин был общим. Парень давно ломал голову, как бы к Марине удачнее подкатить, но все идеи в силу самокритичности казались ему или глупыми, или абсурдными. В который раз Федор посетовал про себя на родителей за чересчур интеллигентное воспитание; привитая в детстве любовь к книгам, сформировала слишком осторожное к женскому полу мировоззрение. В его 23 года девушек у него было немного, да и те сами проявили инициативу при знакомстве, видимо отчаявшись добиться от Мальцева первого шага. Впрочем, они первые его и бросали, как правило.

– Федор Романович, да вы меня совсем не слушаете. Вам нужно поработать над вашей усидчивостью и вниманием к работе. И вот ещё, что это за музыка у вас в свободное время играет. Havimetal? Во времена моей молодости это направление не слушали, считали его влияние на молодежь опасным. И не зря. Мне и сейчас кажется, что такая музыка вам только во вред. Вы только представьте себе, сколько нервных клеток отмирает от громкой агрессивной долбёжки. К моему возрасту вы уже с трудом сможете слышать.

«В твоем возрасте я застрелюсь», мелькнуло в голове у Мальцева: в свои пятьдесят пять лет замдиректора выглядел на все семьдесят.

– Печально осознавать, что сегодняшняя молодежь совсем не думает о будущем. – с горестным вздохом закончил Левин и, видимо посчитав миссию по вразумлению выполненной, закончил отцовским тоном: – В вашем возрасте уже надо жениться, это точно поднимет вашу мотивацию. Эгоистично думать только о себе, попробуйте подумать о будущем, создать, как я сказал, семейную ячейку, построить дом, детей завести. Надеюсь, что вы не станете обижаться на старого человека.

Желая свести к минимуму монолог замдиректора, парень всю дорогу молчал. На реплики в разговоре по душам Левин любил отвечать долгими, пространными и во многом спорными рассуждениями. Поэтому дождавшись пока Левин выговорится, Федор облегченно вздохнул, поблагодарил за потраченное на него время, перенёс отечественное похлопывание по плечу и поскорее ретировался.

В приемной его снова встретил ангельский взгляд Мариночки, от которого почему-то на этот раз не возникло желание отвести глаза, а наоборот накатило какое-то ребяческое веселье.

– Марина Сергеевна, – улыбнулся Федор, – а вы знаете, что мне Владимир Михайлович посоветовал на вас жениться. Вот прямо сегодня. Создать детей, завести дом и далее по списку.

– Прямо сегодня не получится, – неожиданно приняла игру Мариночка, – но я обязательно предупрежу папу, что ко мне сватаются.

– А как же мама? Неужели она не принимает участия в смотринах? Я, наверное, лучший в фирме специалист по мамам. Наверняка ваша мама замечательно готовит. Вот мы бы как раз и могли зайти обсудить на чайной церемонии все вопросы, сразу после ресторана, ну это если в театр не попадем. – Невинно улыбаясь, решил и дальше понаглеть Мальцев, пребывая в шоке от самого себя.

– Марина, вот эти бумаги необходимо срочно отправить в головной офис. – Убил зарождающийся шанс Мальцева вышедший из кабинета директор.

– А, Федор, ты-то как раз мне и нужен! Наливай себе кофе и заходи.

Директор, несмотря на недавно стукнувший сороковник, предпочитал демократичный стиль общения, чем составлял разительный контраст своему заму. Впрочем, Валеру, то есть Валерия Афанасьевича, в фирме любили.

– Федор, я читал вчера тот плач Ярославны, который мне на почту прислали экспедиторы. Хотел бы узнать, что там за история с отмененными перевозками? И почему Максим Толмачев вынужден разбираться с делами отдела логистики?

Вопрос был достаточно щекотливым. Перевозчик представлял собой протеже предыдущего начальника отдела, и Мальцев, опасаясь возможных обвинений в левых схемах, постепенно отодвигал таких контрагентов от кормушки.

Не то чтобы он так уже сильно недолюбливал Макса, ранее у них конфликтов не было, просто во всем должна быть мера, а в Р-лайн про осторожность явно забыли. Несколько заказов экспедиторы привезли по серой схеме в такие деньги, что Федор всерьез задумался переходить на легальную доставку. Макса, конечно, особо подставлять не хотелось, но этика этикой, а своя шкура ближе к телу.

– Дело в том, – осторожно начал он, – что появилась новая схема по доставке азиатских грузов, по деньгам меньше и безо всяких левых оплат.

– Говори как есть. – Поморщился Валера.

– В общем, ребята из Р-лайна зарвались. Они возят наши грузы практически с момента образования фирмы, девять из десяти доставок. Можно сказать, что это мы Р-лайн и подняли, слепили эдакого мелкого монополиста. А теперь эти деятели в качестве благодарности решили воспользоваться возможностью ценник задрать, совсем немного, процентов на тридцать, – съязвил Федор.

– А почему мне об этом не сообщили?

– А зачем распространять устаревшую информацию, мы ведь их своевременно откинули. К тому же по части заказов впоследствии удалось снизить ставку. – Мальцев облегченно вздохнул. Макс вроде теперь не при делах, а шашкой махать Валера не станет, если ущерб не увидит.

– И вообще, я думаю, опасно класть все яйца в одну корзину. Сейчас мы собираемся поделить объемы сервиса между тремя компаниями, по тридцать процентов. – Сделал контрольный выстрел Мальцев.

– Ну хорошо. – Хлопнул ладонями по столу Валера. – Вы главное график поставок не сорвите своими разборками, интриганы. Да, и Мариночку, будь добр, позови, как выйдешь. Я сейчас ей папку подпишу с документами, после обеда меня не будет, так что если у тебя ко мне всё, то до завтра.

У стола секретарши уже вьюном вился Андрей, конторский сисадмин, добрейшей души человек, абсолютно несерьезного поведения, на почве которого и имел многочисленные проблемы со стороны мужской половины фирмы. Впрочем, имея неслабый дипломатический талант и странноватое чувство юмора, все конфликты он как-то умудрялся разруливать.

– Марина, тебя шеф зовет. Услышал, как тут Пасишниченко разоряется, говорит, сейчас сам выйдет его потенции лишать, – не удержался от подколки Мальцев. Пасишниченко, приняв всё за чистую монету, мгновенно сменился в лице и развеялся на просторах фирмы.

«Вот вроде бы пакость сделал, нехорошее, по сути, дело, – подумал Мальцев, – а настроение-то улучшается». Сев на свое место, он наконец загрузил почту.

Список дел на сегодня вроде бы не слишком большой. Отчет по командировке он уже написал, поездка прошла плодотворно, остается надеяться, что поставщики выполнят свои обещания. Неплохие, кстати, мужики оказались в реале, несмотря на сложности в общении по телефону.

Написав пару писем зарубежным контрагентам, парень вывел в итоговом файле динамику по ключевым позициям и недовольно покачал головой. Все-таки Макс гавнюк. В результате гнилой выходки предшественника, а Федор почти не сомневался, что за повышением цен торчат его уши, фирма могла остаться без необходимых реактивов. Серьезность ситуации еще и в том, что кроме как за границей их нигде не достать, за вменяемую цену, естественно.

У Мальцева возникло чувство, что Толмачев уже откровенно начал копать под его кресло. Ему давно уже говорили коллеги, что предшественник частенько пользовался грязными методами, формируя свою команду. Взять вот хотя бы ту

безобразную историю с прошлым директором производства: кто-то из совета директоров обнаружил информацию личного характера в одной из социальных сетей, а как отягчающие обстоятельства в блоге были описаны похождения управленцев и собственников на корпоративах, в лицах и красках.

Производственника тихо рассчитали, для персонала фирмы – «по собственному желанию», а для него самого – как не соответствие корпоративным стандартам фирмы, и назначили на его место одного из близких друзей Толмачева.

Все бы так и спустили на тормозах, но бывший директор производства как-то докопался до истинных мотивов увольнения и пришел банально бить морду Максу. К сожалению большинства персонала, бывший камээс по боксу Петров свой план реализовал лишь частично. Макса от серьезного членовредительства спасла охрана.

Сидя за рюмкой кофе вечером того же дня, Серега, успокоившись, рассказал, что ни о каком сайте он понятия не имел, нигде не зарегистрирован, зато узнал, кто подкинул инфу директорату. Там уже автора подлянки было вычислить несложно.

«Здарова, Романыч. Хошь прикол?» – пришло сообщение от коллеги.

«Здарова. Чё?»

«К нам ща из оконной конторы приехали мужики в форме с надписью сцуко. Иди, посмотри, там бухгалтерию уже пополам сложило».

«Да ладно».

Выглянув в коридор, Мальцев увидел еще парочку ухмыляющихся из разных кабинетов голов. Надпись наличествовала.

«Неуч. Это по-немецки. Читай Шюко, компания Шюрмана. Я знаю, они ещё в прошлый раз брошюрки притаскивали».

«Ну, вот неинтересно с тобой шутить, вечно всё опошлишь».

Спустя восемь часов работы и шесть кружек кофе позвонил Быстров, еще один его давний товарищ. Родоначальник всех развлечений и почти всех травм Мальцева.

Сергей Быстров, по кличке Шустрик, был полной противоположностью своего друга. Там, где Федор планировал спокойно и вдумчиво обжевать вопрос, Шустрик принимал молниеносные решения. Там, где Мальцев пасовал перед мелкими проблемами, Сергей пролетал их, даже не заметив. Опять же отдыхать Федор любил с книжкой на диване, однако, в силу дружбы с клубком адреналина в виде Шустрика, часто участвовал в различных физкультурных и не очень мероприятиях.

– Алло, Смольный! До тебя невозможно дозвониться, – жизнерадостно посетовал Шустрик. – Хватай кроссовки и форму, будем кросс бегать. Жду тебя через полчаса на остановке.

– Какой еще кросс, Серега? Ты с дуба рухнул? Во мне литра два кофе болтается, для меня сейчас бег – это путь к инфаркту. Я лучше дома с телевизором посижу, поразговариваю, устал как собака.

– Брось притворяться овощем. В твоем случае бег – это путь от геморроя к инсульту. Да и в ситуации, когда человек между чистым воздухом и потерей зрения, выбирает потерю зрения, инсульт не грозит.

– Это почему же?

– А откуда в пустой голове мозг? – Заржал Быстров.

– Ах ты, собака серая! Видел мои новые кроссовки, ага? Через полчаса я их тебе в задницу запихну.

Закончив разговор, Мальцев уже с большим энтузиазмом собрал бумаги со стола и разложил их по папкам. Стол должен быть девственно чист в начале работы и в её конце. Он старался пробовать новые тенденции в управлении временем, конечно, не все из них приживались, но то, что оставалось, увеличивало качество использования рабочего времени. Смешно представить, но такая простая вещь, как приведение в порядок стола, помогает упорядочить мысли, а ясное мышление – это прозорливость и перспективность. К тому же это очень

простое действие позволяет правильно подвести итог прошедшего рабочего дня и запланировать следующий.

Через полчаса Федор уже был на остановке. Серега, как обычно в своей темно-синей счастливой мастерке, успел познакомиться на остановке с какими-то девушками и сейчас размашистыми жестами расписывал им что-то грандиозное. Девушки переминались с ноги на ногу и часто поглядывали по пути следования автобуса, с нетерпением ожидая его появления.

– …и вот смотрю я на экран, а там вампирша как зыркнет в дверной глазок, ну а меня коллега как прихватит за коленку! Я с перепуга на весь зал и озвучил невысказанную фразу мальчика.

Девушки, изредка вежливо хихикая, изображали стоическое терпение, но по себе Федор знал, что вынести разглагольствования Быстрова больше получаса мог только сам Быстров.

– О, вот и наш опаздун. Познакомьтесь. Света, Лена, а этот вьюноша бледный со взором горящим… ой! Локоть Мальцева, сбил шустрика с ритма.

– Это Федор ибн Роман ибн Мальцев аль Петрова-38. Что ты меня локтем тычешь, я так возбуждаюсь?!

– Сам ты ибн! Не видишь, девушки торопятся.

– Да, мальчики, нам действительно пора ехать. Спасибо, Сережа, за занимательную беседу, надеюсь увидеть тебя на следующем классе йоги, – хриплым голоском сказала Лена, высокая сероглазая блондинка с редкими веснушками на лице. Сразу можно было догадаться, чем она так заинтересовала Серегу: сквозь вырез в блузке можно было видеть внушительную грудь.

– И вы тоже приходите. – Улыбнулась Федору другая девушка. Она, в отличие от подруги, была жгучей миниатюрной брюнеткой с большими карими глазами.

– Тебе дать платок? – осведомился Шустрик у Мальцева.

– Зачем мне твой платок? Там, наверное, соплей с полкило.

– А чтоб слюни вытереть. Вон уже как у муравьеда перед муравейником по полу волочатся.

– Да я тебя за такие слова сейчас самого в муравейник воткну наглой твоей, раскормленной, интеллигентной мордой.

– Догони сначала.

Шустрик припустил по парковой дорожке, легко преодолевая препятствия в виде велосипедистов, урн, скамеек и редких пешеходов. Мальцеву, бегущему следом, было вовсе не так легко. Несмотря на два месяца, которые они с Серегой бегали по вечерам, он каждый раз с надеждой ждал, когда же тому надоест это новомодное действо и он переключится, например, на плавание. Нет, только не плавание, утонуть еще в бассейне не хватало. Лучше на пинг-понг. Или шахматы, да вообще любой вид спорта, где не надо было бы так напрягаться.

Бормоча под нос проклятья, Мальцев летел по парку, устав оббегать и, уже перепрыгивая собак, кусты и скамейки, пытаясь хотя бы не сильно отстать. Шустрик же, как бы издеваясь, огибал препятствия и успевал на бегу делать в адрес своего друга непонятные, но явно издевательские, знаки руками.

Перепрыгивая через очередную скамейку, Федор зацепился ногой и, успев только подумать о пользе медицинского страхования, почему-то в критических ситуациях его мозг предпочитал оценивать картинку со стороны, полетел на землю, выставив вперед руки. Перед глазами мелькнуло, земля оказалась неожиданно далеко. Метра два, не меньше. Не успев даже удивиться, Мальцев плашмя рухнул на черную кучу мусора, оказавшуюся прямо перед ним.

Глава 3. Прибытие

Призванное существо не излучало ни капли энергии, не отражалось ни на одном из планов бытия, словно его и нет. Слабая, недоразвитая аура. Даже физически оно не представляло собой ничего особенного. Существо просто лежало мордой вниз и жадно хлебало еще теплую кровь шергарда. Судя по всему, этот

экземпляр предпочитал питаться падалью. Ну, дело житейское, лишь бы польза была.

Брезгливо, двумя когтями приподняв его за складку на шее, демон принялся рассматривать своего нового фамильяра. Тщедушное существо было одето в серую толстую одежду с капюшоном, что ранее показался частью тела, и черно-белую странную обувь. Из-под капюшона виднелась уродливая, булькающая морда, испачканная в крови.

– ЧТО-О-О?! Паршивый человечишка? – проревел демон, в бешенстве мотая вызванное существо как тряпичную куклу. На одном таком рывке кусок одежды, за которую держался демон, оторвался, и существо улетело в кусты.

– Проклятые паразиты?! И до изнанки добрались?! Нигде нет покоя от этих вонючих насекомых.

Демон успокоился так же неожиданно, как и разъярился, дав себе зарок следить за своими эмоциями.

«Видимо, не хватило времени для заклятия. Не беда. Маленькая неудача не испортит первый день свободы после тысячелетнего заключения. Нет так нет, сам справлюсь.

Надо навестить кое-кого и воздать за всё хорошее, да и тюремщикам неплохо бы передать горячий привет, если, конечно, они все не сгинули. Однако, прежде всего, нужно укрепить оболочку и воздержаться пока от встреч с магами. Придется даже, наверное, пожить среди людишек какое-то время. – Демон недовольно рыкнул. – Но потом меня ничто не остановит. Ничто и никто».

Вселившись в тело хассита, он вознесся на высоту чуть выше крон деревьев, создал сферу отрицания и с постепенно возрастающей скоростью полетел на север. Затеряться легче всего будет в столице Фиарии. Больше людей – больше хаоса, а хаос для демона – дом родной.

* * *

Восприятие возвращалось медленно. Сначала Мальцев почувствовал покалывание в пальцах рук, затем отозвались желанием почесаться ноги. Ноздри уловили прелые запахи леса, такой запаховый шум обычно стоит в теплицах с экзотическими растениями. В памяти почему-то всплыло, как, они с другом в детстве разоряли ботанический сад и как в итоге попавшись, носили целую неделю удобрения для теплиц и перекапывали землю. Как ни смешно, виной тому были не вовремя слетевшие с друга во время бега шлепанцы. Пришлось снова возвращаться за забор, чтобы тому не пришлось отдуваться одному.

Открыв глаза, Мальцев подумал, что он как раз в одной такой теплице и проснулся. Только вот в последних не было такого звукового сопровождения в виде пения птиц и везде лезущей мошкары. С трудом выбравшись из объятий колючего куста, парень выпал на небольшую открытую поляну.

В середине лесного луга лежала та самая куча, в которую он по неосторожности упал. Подойдя ближе, он как по щелчку вспомнил, как запнулся, зацепившись за скамейку. Как лежал на трупе странного существа, чешуйчатой кошки, захлебываясь ее кровью. Как его рывком вздернули к лицу, а точнее неописуемо страшной харе, висящего в воздухе существа. Успел заметить, как у ног существа ничком лежал какой-то худой желтокожий человек. Существо что-то прорычало, и парень практически почувствовал, как в его мозг вторгаются чьи-то мерзкие щупальца. Мальцева вытошнило.

Пошатываясь, он добрел до края поляны и, прислонившись к дереву, тяжело сполз на землю. Голова отказывалась работать. Прикрыв глаза, парень на какое-то время ушел в себя, пытаясь переварить полученную информацию.

Пробежав в памяти все утро, он так и не смог найти ни одной зацепки, почему и как он мог тут оказаться. Мозг в духе зависшего компьютера гонял кадры бега, падения и возникшей вслед за этим страшной морды неведомого монстра. Это должно быть как-то взаимосвязано.

Зажмурив глаза и тряхнув головой, Мальцев пришел к глубокомысленному выводу о полной нереальности происходящего. Помотав сбоившим мыслительным аппаратом и ущипнув себя пару раз, пришлось все-таки признать то, что вокруг всё же реальность. Во сне не бывает таких ярких видений, не пахнет так одурительно растениями и уж тем более не чувствуется боль от ушибов и царапин. Еще и какое-то постороннее рычание в правом ухе. Деточка,

угадай, в каком ухе у меня жужжит?

Мальцев со скрипом повернул голову и встретился глазами с живой копией существа, лежащего в центре поляны. Копия была больше практически в полтора раза и выглядела достаточно грозно, чтобы включить инстинкт выживания, вышибив иные, менее важные, мысли. Судя по оскаленным клыкам и нервно мотающемуся хвосту, кошка была в «плохом настроении».

– Эээ… спокойно, киса. Я сам тут недавно, – проблеял зачем-то Федор, задом отползая в кусты. Всплеск адреналина разом прояснил мысли. Такие кошки в России точно не водятся, а уж если завелись, то питаются явно не травкой.

Кошка рыкнула, подогнув лапы перед прыжком. Из оскаленной пасти дохнуло отвратительным запахом гнилого мяса. Скорей всего на реакцию Мальцева повлияло именно последнее.

С диким воплем, от которого хищник даже на мгновение отпрянул, парень кинулся сквозь кусты, не различая дороги. Проломив ряд веток и расцарапав лицо, вывалился в небольшой овраг, чтобы увидеть, как кошка одним прыжком перемахнула кусты в трех метрах от него.

Кувыркнувшись, Федор отчаянно помчался вдоль росших на краю ямы зарослей, спотыкаясь и оскальзываясь на прелой земле. Перевалив через край оврага, он съехал ногами в ручей и, замешкавшись, получил удар между лопаток, от которого его махом вынесло на другой берег. Чудом удержавшись на ногах, Мальцев, не снижая скорости, побежал дальше.

Деревья, деревья, кусты… Зацепившись за ветки, парня занесло. Мимо, обдав его запахом сырой шкуры, недовольно рыкнув, пролетела туша кошки. Нечеловечески заверещав, он кинулся в обратную сторону. Метров в двадцати перед ним лежала какая-то груда камней. В панике парень, напрягаясь изо всех сил, устремился туда.

Добежав до последних деревьев перед рядами камней, Федор запнулся об удачно расположенный корень и, пролетев пару метров, кубарем выкатился из леса, ободравшись о колючки.

Падение по склону остановил заботливо подкинутый кем-то камень с острыми гранями, которые тут же обрадованно впились в и так пострадавшую сверх всякой меры спину. Зашипев проклятия, Мальцев как обиженный еж на трех конечностях развернулся в сторону леса и замер с камнем в руках, ожидая прыжка лесной твари. Бежать уже не было сил, да и, собственно, некуда. За спиной на восьмиметровую высоту, а где-то и выше, вздымались развалины стены, которая тянулась на неизвестную длину вправо и влево.

Площадка, на которую он выпал, и место у стены были усыпаны серым песком, похожим на неоднородную мраморную крошку, стена также состояла из серого камня. Судя по состоянию кладки у основания, строили её на века. Впоследствии он так и не смог заметить изначально больших зазоров между каменными блоками.

Спустя несколько десятков ударов сердца, громом отдававших в голове, парень скорее ощутил, чем услышал тяжелое дыхание преследовавшего его зверя. Шум, то удалялся, то приближался. Кошка словно раздумывала, выходить на свет или нет.

– Давай уже, скотина, давай, – простонал Мальцев, с хрипом ловя пересохшим ртом ставший твердым от быстрого бега воздух.

Время шло, а зверь так и не появлялся, нервно, в этом он уже не сомневался, прохаживаясь вдоль границы деревьев. Порой даже можно было различить силуэт полутораметровой туши да зеленый отблеск глаз. Прохаживаясь, зверь издавал недовольное урчание, словно поражаясь вероломности двуногого, осмелившегося выбежать за пределы игровой площадки.

С опаской посматривая в сторону деревьев и замирая через каждый шаг, Федор начал пятиться в сторону стены, судорожно выглядывая пути дальнейшего отступления. Не было никакого желания выяснять, почему животное не может выйти из-за деревьев и как долго продлится его неуверенность. Поворачиваться к неведомому зверю спиной тоже не хотелось, помнится, представители семейства кошачьих предпочитают нападать на добычу именно сзади.

Кое-как допятившись до стены, парень обнаружил, что вблизи она не так уж и неприступна, тут и там из щелей торчали корни ползучих растений, где-то части раствора вывалились, вымытые дождями. Ближайший корень торчал на высоте

около двух метров.

Кося глазами в сторону леса, он подтащил несколько камней и, сложил их горкой под стену. Подпрыгнув и с усилием подтянувшись, взобрался выше.

«Хорошо висишь! – Не к месту включилась самоирония. – Что теперь, куда дальше двинешься»?

Очередной недовольный рык хищника подстегнул процесс. Федор с трудом, но все-таки втиснул пальцы правой руки в щель между камнями. Правее того места, где он висел, край стены был на расстоянии вытянутой руки вверх. Конечно, если как-то доползти около десяти метров, цепляясь только пальцами. Нижняя часть стены была до отвращения гладкой, Мальцев же весьма скептически оценивал свои возможности по преодолению этого расстояния.

«А ты давай упади, да еще постарайся головой вниз, чтобы зверюга не утруждалась особо, когда будет тобой обедать», – опять съязвил внутренний голос.

– Нет уж, сука, не дождешься! – безадресно пробурчал Федор и, стараясь не раскачиваться, пополз вправо. Метры давались очень трудно, просто мечта болдеринговой трассы. Впрочем, парень охотно бы поменялся с любым болдером за честь быть первым на этой стенке, только бы вернуться домой в любимое кресло.

Когда край стены стал почти доступен, Мальцеву уже казалось, что пальцы рук сточились и придется всю жизнь носить сапоги, потому что шнурки завязывать ему будет больше нечем. Зацепившись за уступ стены, он с трудом подтянулся и, извиваясь как червяк, заполз на него.

– Понастроили тут, потомки Церетели! Гигантофилы хреновы! Кто так строит?!

Изнутри стена была пятиметровой толщины, не меньше. Камни, из которых она состояла, казалось, были выпилены из единой глыбы в аккуратные панели. По крайней мере, визуально они выглядели как огромные кирпичи, вышедшие из одной формы. Часть пролома в стене была с ровными, словно оплавленными краями, исключая мысль о естественном старении сооружения. Скорее, разрушения походили на то, как если бы стены обстреливали из пушек.

Поежившись, Федор представил себе калибр такой пушечки. В любом случае, судя по зарослям и общему состоянию стены, было это в допотопные времена.

Осторожно выглянув за край стены, он не обнаружил никаких следов кошки. Кусты и окружающий лес хранили молчание и снова выглядели как фрагменты с лесных картин Шишкина, если б тот только писал джунгли.

– Хорошая попытка, киса, но нет! – тяжело дыша сказал он и направился на другую сторону стены. Перебравшись через гору щебня, преграждающего путь, Мальцев, в сердцах ругнулся и потрясенно замер.

Глава 4. Город

Картинка впечатляла. Вдаль, в сторону моря, убегали ровные когда-то улочки с булыжной мостовой, усеянные по бокам обломками построек. В некоторых местах сквозь брусчатку проросли могучие деревья, сделав проход по улице героическим деянием. Кое-где торчали остовы двух-трехэтажных зданий. Метрах в ста от стены и правее находились остатки даже отсюда кажущихся крупными строений, полуобвалившиеся портики и балконы, где-то можно было даже различить несколько уцелевших псевдоантичных колонн. Здания сохранились участками, словно были разрушены с воздуха, хотя ни стенобитных камней, ни рытвин в мостовой не было видно. На некоторых улочках сохранились остатки преград, похожих на баррикады и скорей всего возведенных жителями.

Невозможно! Мальцев наконец выдохнул, на земле подобный город сразу бы стал широко известной музейной достопримечательностью. Теперь он уже не сомневался, что находится в несколько другом времени и месте.

Дикое буйство леса и странная архитектура строений буквально притягивали взгляд своей необычностью. Строгие линии улиц и переулков контрастировали с остатками вычурной архитектуры и атмосферой архаичности.

В животе заурчало, желудок непрозрачно намекнул, что замена материального духовным не прокатит, поэтому надо как-то спускаться, искать людей, кров и,

возможно, пропитание.

Прямо под внутренним краем стены располагались развалины какой-то деревянной пристройки, метров на тридцать в ту и другую сторону. Верхний край развалины был в трех метрах от края стены, слишком высоко, да и само строение выглядит так, как будто может обвалиться даже от чиха, так что парень решил не рисковать.

Левее того места, где находился Федор, близко к стене рос ряд деревьев. С виду деревья напоминали дубы, если не замечать ярко-розовые большие цветки, от которых порывами ветра доносился приятный аромат.

Обливаясь потом, больше от страха упасть, и еще больше уделав свитер, парень взобрался на самый верх стены. В этом месте уже начиналась ровная площадка, слева, в полтора роста, местами, где сохранились, шли зубцы, а справа в нескольких шагах – ничем не огороженный выщербленный обрыв и внешний двор.

На самой площадке валялись куски дерева, скорей всего от крыши, закрывавшей ранее стену от осадков. Федор обрадованно хмыкнул, заметив у подножия защитных зубцов обломок древка с лезвием. Хорошая находка!

Наконечник копья был выкован из непонятного металла, схожего с характеристиками нержавейки, потемневший от времени, но совсем не торопился рассыпаться от прикосновений в труху, как дерево, к которому был прикреплен когда-то. Лезвие представляло собой хищно выглядящий штырь, ромбовидной формы, в локоть длиной, с небольшим металлическим шаром ближе ко втулке. Края ромба, удивительно ровной и качественной обработки, были острыми из-за углублений между ними.

Оторвавшись от изучения находки, Мальцев вернулся к осмотру стены, пока не стемнело, надо найти спуск. Метрах в сорока был виден остов промежуточной башни. Обрадовавшийся было из-за ценной находки, парень снова поскучнел – вся стена впереди него была в обвалах, да и в самом остове отверстий не наблюдалось. Скорей всего остатки деревянной пристройки и были галереей лестниц, ведущих в разные концы стены.

Обследовав края внутренней стороны стены, Федор пришел к печальному выводу, что спуститься можно только по дереву. Ближайший псевдодуб находился на расстоянии двух метров от края стены, и толстые ветки его почти не качались от порывов ветра. Посидев в раздумьях пару минут, парень понял, что надо решаться сейчас, или он вообще не прыгнет.

Разбежавшись от дальнего зубца, наискосок, Мальцев, раскинув руки, прыгнул. Мгновение полёта показалось ему дольше минуты у дантиста, когда наконец притяжение сработало, парень сграбастал ветку и тяжело дыша, сдавил её изо всех сил. Уфф… теперь спуститься вниз и там уже можно будет заняться поисками.

Опасно покачнувшись, Федор понял, надо ставить себе краткие цели, что будет на земле, можно обдумать и потом. Мерно перебирая руками и ногами – лемуры отдыхают, он уже добрался до середины ветки, когда услышал треск, от которого и так расшатанная психика дала сбой и поломалась вместе с веткой.

С диким воем, обдирая листву и сжимая в руках кусок уже ненужного дерева, Федор полетел вниз, считая избитым телом нижние ветви, пока на пятой по счету его не заклинило в развилке.

Обведя безумными глазами проделанный путь, и судорожно выдохнув «бля-я-я…», он посчитал себя поистине счастливым человеком. Хорошо, что сообразил скинуть наконечник копья перед прыжком: в полете со своим везением он бы наверняка его себе куда-нибудь воткнул.

«Дуракам ведь всегда везет», снова включился внутренний голос.

До земли оставалось еще несколько метров, но, к сожалению, он был уже на самой нижней ветке. Кряхтя как столетний дед, Федор снял свитер и вытащил ремень из джинсов. Привязав рукотворную веревку к стволу дерева, парень с трудом сполз по получившейся связке на землю и обессиленно осел. Напади кто в это время, он не смог бы даже сопротивляться.

Опершись на дрожащие руки, Мальцев принял сидячее положение, опершись спиной о дерево. Ну, что ж, часть работы сделана, остается подвести итоги: он неизвестно где, без еды, воды и без нормальной одежды; оружие, если его можно так назвать, есть; признаков людей со стены не наблюдается, ни дымка,

ни звуков, не считая гомона птиц. Печально, но в отчаяние впадать пока поводов нет, он всё же не школьница в лесопарке ночью.

Значит, первое – надо найти воду, второе – еду, третье – ночлег. Солнце, гм, уже заходит, еще пара часов – и станет темно. А ходить в темноте по развалинам – затея экстремальная и чревата неприятными последствиями. К тому же после такой зверюги в лесу легко встретить крыс величиной с собаку в руинах.

Впрочем, если подумать, в крайнем случае, можно переночевать и на дереве. Неуверенно поднявшись на ноги, Федор похромал в сторону ближайшего сравнительно целого дома. С верха крепостной стены он засек некоторое скопление деревьев в центре города, надо полагать там может быть рокарий или просто какие-то виды плодоносящих декоративных деревьев.

Дорога отняла неожиданно много времени, приходилось протискиваться под ветвями неконтролируемо разросшихся кустов и деревьев, перелезать через завалы и крупные обломки. С внутренним облегчением он так и не увидел следов останков людей, оружие также отсутствовало, словно всё это кто-то собрал, оставив только следы рукотворных разрушений.

Некоторые здания выглядели совсем нетронутыми и на редкость целыми, но как убежище дома подходили мало, во всех встреченных строениях отсутствовали двери, во многих провалилась крыша и рухнула часть стен. Как бы ни было интересно покопаться среди завалов внутри дома, Федор всё же решил оставить это на потом.

Первой удачной находкой стал родник, бьющий из-под земли посреди небольшой площади. На площади также находился остов какого-то памятника, на кубе из белого камня в рост человека все еще торчали обломки ног по колено. С наслаждением напившись ледяной воды и смыв со спины кровь от царапин, парень пошел дальше, сделав в памяти заметку из ориентиров площади.

Первый ряд деревьев его разочаровал, плодов на них не было, впрочем, они росли еще до разрушенной ограды. Похоже, нечто вроде сада здесь все-таки присутствовало, отметил Федор, перелезая через груду ржавой трухи и обломков камней, некогда бывших забором.

Первые нужные деревья парень нашел уже ближе к закату. Набрав по десятку плодов всех видов, вроде не должны в городском саду расти ядовитые растения, он завернул их в жалкое подобие сумки из рваного свитера. Разбираться, что из сорванного пойдёт на перекус, он решил в более спокойной обстановке и не на открытом месте, если повезет, то и у костра.

Подходящее по всем замыслам здание находилось в двух десятках домов от площади. Когда-то это был большой трехэтажный дом с изящной лепниной по стенам, куски которой еще можно было увидеть местами. Третий этаж частично лишился черепичной крыши, но это даже к лучшему, там удобнее всего было развести костер. Наверх вела единственная лестница, в паре мест обвалившаяся внутрь дома, но всё ещё крепкая.

Порыскав по комнатам, парень нашел кучу рассохшихся досок, по всей видимости – остатки деревянной мебели, этого должно было хватить до утра, но что ценнее всего, сохранилось несколько кусков ветоши из обивки. Вопрос с доступом посторонних он решил кардинальным способом: разобрал часть пролёта и кинул несколько оставшихся досок в проем поперек лестницы выше, заваленная стенка завершила картину. Утром Федор планировал завал потихоньку разобрать.

Ещё по дороге сюда он захватил несколько камней с шероховатой поверхностью, в качестве кремня и по совместительству точильного камня. С куста в рокарии, росшего возле зеленого камня кольцеобразной формы, перепилив, отломил ветку толщиной в запястье для рукоятки будущего копья.

Мальцев решил делать именно копье, если тут такие звери водятся, как эта кошка, то лучше держаться от них подальше, минимум на расстоянии длины древка. Ветки куста неожиданно оказались очень прочными, если бы не лежащие под ногами камни, пришлось бы удовольствоваться сухостоем.

«Вообще странный был куст, – подумал Федор, насадив лезвие на деревянную заготовку и затачивая клинок о кусок серого камня, – голые двухметровые прямые ветви без листьев, куча зеленых побегов по центральному стволу, острый запах свежего сена, липкий сок и полное отсутствие травы вокруг куста. Дурацкие мысли, а что тут вообще нестранного?»

Разложив перед собой вещи из карманов, Федор уныло хмыкнул. Мобила тут не берет, проверено неоднократно. От домашних ключей толку тоже мало, даже как средство самообороны не сгодятся. Бумажник с деньгами и кредитками в кучу к бесполезным вещам, до встречи с местными жителями не пригодится.

Негусто. Надо будет спрятать барахло, не хватало еще потерять документы и ключи в этих руинах.

Проблему с запасом воды удалось решить достаточно легко, по дороге сюда, в соседних развалинах, парень отрыл из кучи обломков и камней небольшой котелок из потемневшего закопченного металла и наполнил его водой из ключа на площади.

Костер удалось запалить спустя полчаса и два отбитых до крови пальца: бить пришлось камнем о камень, лезвие почему-то искру не высекало.

Глава 5. Ночной гость

Воин был стар. Настолько стар, что уже не помнил ни имени, данного ему при рождении, ни своих лет. Зато он прекрасно помнил, кому обязан теперешним состоянием. Эта память возвращалась к нему вновь и вновь бесконечным наркотическим кошмаром. И хотя воспоминания терзали, принося боль и сожаление, он каждый день с трепетом окунался в видения прошлого.

Воин уже перестал чего-то ждать. И давно забросил охрану города, здесь мало кто появлялся последнее время: за Ашкерумом прочно закрепилась слава проклятого города. Изредка только, наверху, над залом испытаний проносятся блеклыми тенями зеленые карлики, лесным жителям такой расклад дел был только на руку. Карлики собирали плоды с храмового сада, там до сих пор каким-то чудом выживали целебные растения и деревья.

Воин предпочитал проводить время в грезах, прокручивая в голове образы ярких воспоминаний. В этом подобии сна он еще мог ощутить свою полезность и причастность к делу, это была жизнь.

В своих снах он беседовал с учениками и ходил по древним улицам города, заглядывая в дома и заговаривая с призрачными жителями.

Вот Аркоррен, молодой воин степей, быстрый как дикий кот и гибкий как лоза, хорошо владеет ятаганом, но так слаб в копейной драке. Зато как он умел работать клинками, загляденье!

Вот Илиит’аль, по прозвищу Жало. Убийца из клана Белого паука, слабая с оружием своего клана – обоюдоострым шестом, но смертельно опасная с длинными кинжалами… Она… Она словно указывала в сторону дома семьи гнома Туагрона, старик предпочитал помнить имена творцов и мастеров и почти не запоминал имен всех остальных, безынтересных для него живущих: они приходили и уходили, а он оставался.

– Погоди, дочка, постой. Помню я его семью. И малышку Ольту и её смешливого проказника братца Бринна, и даже его жену, как там её. Они все давно истлели, теперь не более чем прах. Истлели и сгнили, так же как и я.

Скользнув в охранный контур, Воин заметил пульсирующий огонек чужой жизни, так непохожий на ранее замеченных в развалинах посетителей: кроме птиц и зеленых коротышек здесь уже сотни лет никто не появляется.

И ему стало любопытно, что за гость посетил город. Энергетика как у младенца, ни следа защитных плетений. «Блокирующий амулет? Может, кто-то из лесных?» Воин мысленно пожал плечами. Надо пригласить его на беседу. Давненько к нам не забредали гости, интересно узнать, что там за стеной.

* * *

В развалинах колонн раздалось тихое костяное щелканье. Камни, лежащие на спуске к нижним помещениям храма, зашевелились. Страж выпрямился во весь свой немалый рост и достал из-под завала свое оружие – хищную зазубренную фалкату.

Со времен осады он остался последним из сторожей храма, поскольку был завален камнями в зале испытаний, остальных порубили на куски мародеры. Почти любовным движением отерев от пыли старое, покрытое зелеными

пятнами бронзовое лезвие, он поднял полыхающие зеленым светом глазницы к небу и застыл на месте, словно принюхиваясь. Мгновение спустя Страж вихляющей походкой направился в сторону дома кузнеца. Постепенно его шаги выравнивались, и он все быстрее и быстрее шагал, распугивая немногочисленную живность, переступая через нагромождения камней и ловко срубая кусты, мешающие пройти. Последние метры перед целью он уже почти бежал.

* * *

Маленький костерок давал неяркое, но почти бездымное теплое пламя: сыграло свою роль сухое дерево остатков мебели. Темнота наступила уже несколько часов, самое время отдохнуть от безумного дня, а Федор всё никак не мог уснуть.

План минимум – найти воду, еду и укрытие – был с успехом выполнен. Впрочем, действия он, собственно, и затевал, чтобы не усиливать накатывающуюся время от времени панику. Сейчас же, пережидая безветренную и удивительно теплую ночь, тяжким грузом навалились мысли и опасения. Защемило сердце. Мальцев вспоминал родителей и друзей, до него вдруг дошла кошмарная мысль, что он может больше никогда их не увидеть. Зажав голову в руках, парень, поскуливая, начал покачиваться из стороны в сторону, пытаясь успокоиться.

«Не время расклеиваться. Соберись! Сколько ни ной, проблема от этого никуда не денется. – Федор, в сердцах стукнул о стенку кулаком, боль в костяшках несколько отрезвила. – Пора подключить мозг».

Вечный вопрос, что делать? Вопрос, куда, как и зачем он попал, парень решил отложить до момента встречи с аборигенами, все равно кроме местных никто ему не ответит. Однако, судя по представителям флоры и особенно фауны, уже сейчас понятно, что на Землю это мало похоже.

Мальцев отнюдь не считал себя завзятым натуралистом, но найденные в доме остатки картин наводили на размышления. На картинах были изображены степенные, вполне узнаваемые люди. Ну, почти.

Статный невысокий мужчина с пышной бородой, в которой терялась половина лица. Пухлая розовощекая женщина с ярко-голубыми смешливыми глазами, с младенцем на руках. У ног её крутилась какая-то помесь кота и обезьяны, даже с картины кажущаяся жутко проказливой.

На Земле этот город уже давно бы почистили от остатков реликвий и превратили в туристический рай. В доме же сохранились почти все кухонные и обиходные приспособления, от кочерги до ложек, а в выемке за одной из картин он обнаружил несколько серебряных и медных монет в остатках рассохшегося мешочка.

На серебрушках с одной стороны был изображен молот, а по краю шла непонятная надпись. Буквы даже отдаленно не напоминали ни один из известных ему языков, что, впрочем, ни о чем не говорило. На обратной стороне серебряной монеты было изображение колеса с короной.

Медные монеты особой красотой не блистали: колесо на одной стороне и лист растения, похожий на клевер, – на другой; с другой стороны чеканка была достаточно аккуратная, без перекосов.

Спину кольнуло. Парень, лежа на прикрытых ветошью досках, осторожно подвигал плечами, вроде терпимо. Царапины поверхностные, остается надеяться, что когти у встреченного монстра не ядовитые. Другого варианта все равно нет, в городе аптек и поликлиник не наблюдается, а значит, лекарство от бешенства ему не светит.

«Ну, тогда кто не спрятался, я не виноват, озверею, выскочу за стенку и сам её покусаю», – попытался приободрить себя Федор, в общем, чем скорей он найдет людей, тем лучше.

Мальцев прикрыл глаза, собираясь немного подремать, под мелодичное цвирканье неведомых насекомых и успокаивающее потрескивание огня, как вдруг услышал негромкий нарастающий хруст: такой звук издают шаги человека, бегущего по усыпанной камнями дороге, похоже на то, что он здесь уже не один. Главное, чтобы то не была давешняя кошка. Парень накрыл костер противнем, найденным внизу, и осторожно подкрался к краю стены дома. Никого. Внезапно хруст повторился, в тени развалин дальнего от него дома кто-то размашисто вышагивал в направлении убежища Мальцева, по фигуре можно

было опознать худого человека довольно высокого роста. Федор не смог сдержать вопль радости.

– Эй, там! Сюда, я здесь! – заорал он. Человек внизу остановился, развернулся к нему лицом и, секунду постояв, побежал на звук. Федор в щенячьем восторге хотел было дернуться к завалу и раскидывать камни, как вдруг в свете луны увидел нечто, что как холодной водой смыло все его ликование: по улице бежал скелет! Нет, не так – здоровенный Скелет, одетый в остатки потрепанного рубища. Бежал, размахивая на ходу причудливо изогнутым ножом.

По спине Федора в направлении поясницы проскакал табун мурашек с воробья величиной. В коленях противно задрожало, и Мальцев ватными руками оперся о край стены, чтобы не свалиться на пол. Округлившимися глазами он смотрел, как Скелет подходит к дому, голова его при этом оказалась почти на уровне пола второго этажа. Подняв черепушку с зелеными святящимися глазницами, эта мечта антрополога уставилась на Мальцева с явным интересом, правильность мысли подтверждали приглашающие жесты Скелетона.

«Если выживу, я скорей всего досрочно поседею», – подумал парень, отползая от края пола. На провокации со стороны нежданного гостя он решил не поддаваться, мало ли с какой целью его зовут. Костяшка же, поняв, что его проигнорировали, проскрипел нечто гневное, после чего зажал нож в зубах и пополз по стене, цепляясь за остатки лепнины.

Тут парню стало ясно, что или у него скоро будут нежданные гости, или надо что-то делать. Первая мысль о том, чтобы раскидать завал и сбежать, была затоптана логикой, он хорошо помнил, как быстро бежал скелетон.

Подстегнула решимость Федора черепушка, появившаяся над краем пола; прыгнув в угол, он схватил копье и с нечленораздельным воплем обрушил его на голову уже наполовину взобравшегося на площадку скелетона. Костяшка неожиданно легко отмахнулась от героического замаха и играючи вырвала из рук парня копье, но при этом потеряла равновесие и, выронив из клюва ножик, с костяным грохотом рухнула на землю. Хреновый размен, подумал Мальцев, осматривая доставшийся ему меч и наблюдая за Скелетоном, который, шипя как пробитое колесо, опираясь на реквизированное копьё, прихрамывает вокруг здания. Падение для него не прошло бесследно, при ударе о землю он лишился части стопы.

Черепушка все-таки решился на дальнейшие активные действия. Выставив перед собой острие копья, он осторожно начал подниматься по крайней, дальней от парня стороне дома. На той стороне стенка выступала над полом чуть выше роста Федора, и там он не смог бы вплотную приблизиться к краю, чтобы помешать.

В панике метаясь по площадке, Мальцев, наконец, пришел к здравой мысли и начал подтаскивать к краю пола крупные обломки стены. Первый же удачный снаряд снес скелет со стены как ветром. С уже знакомым звуком, гость обрушился на землю и тут же зашевелился, пытаясь собрать воедино рассыпавшиеся кости ног.

– Вот тебе два. – Выдохнул Федор, выбрав из груды каменный аргумент весом так килограммов на двадцать, и с усилием скинул на голову неудачного скалолаза. Шевеление затихло. Не останавливаясь на достигнутом, парень швырял вниз обломки до тех пор, пока наверху они не кончились, а внизу над грудой костей не возник внушительный курган.

Не заметив больше следов шевеления из-под камней, Мальцев на негнущихся ногах вернулся к костру и, сползя по стене, впал в беспамятство. Для одного дня впечатлений было слишком много.

Глава 6. Привет от Толкиена

В теле чувствовалась непривычная легкость. Ни следа уже привычной боли от царапин, ссадин и синяков, старательно собираемых последние два дня. Голова не болела, и было ощущение удивительной ясности и четкости восприятия, словно после отличного сна на природе.

Он лежал на полу просторного прямоугольного зала. Стены, как и потолки, уходили куда-то в темную высоту. По периметру зал окружали десять колонн в два обхвата, по пять с каждой стороны. Неизвестно откуда изливался странный рассеянный свет, хотя Федор никак не мог понять, каким образом это происходит.

Мальцев встал. «Все страньше и страньше». Первый обход дал хотя и многочисленные, но абсолютно бесполезные в плане поиска выхода сведения. Зал длиной полста шагов и шириной около тридцати. В центре зала на полу каменной плиткой выложен примитивный рисунок, два трапециевидных щита узкой стороной друг к другу на расстоянии трех метров. Между ними, параллельно и навстречу друг другу, выложены белой плиткой два обоюдоострых меча с длинной рукоятью.

С правой, дальней от него стены – стойка с разнообразным оружием. Слева и справа от нее на стене висят разнообразные средства для убиения себе подобных, знакомые и совсем незнакомые Федору. Слева от стойки висят на стене или стоят на полу щиты различного вида, от круглых, размером с две ладони мужчины, и заканчивая ростовыми. На некоторых щитах рисунки или орнаменты. Парочка лежащих на полу щитов оббиты кожей, а с внешней стороны имеют ряд шипов.

Решив на всякий случай вооружиться, Мальцев направился к стойке. Попеременно вытаскивая из держателей отличные образчики средневекового оружия, парень не переставал удивляться красоте, которой награждали клинки древние оружейники.

Красота была буквально во всем: в летящем изгибе клинка, гравировке на лезвии, хищной заточке и украшениях на гарде. Впрочем, ничего сверхъестественного стойка не содержала, складывалось впечатление, что все выставленное оружие не раз было опробовано в деле и просто парадных образцов здесь ожидать не стоит.

Оружие на удивление хорошо ложилось в руку, балансировка клинка тоже заслуживала всяческих похвал. Спустя неопределенно долгое время Мальцев наконец остановился на средней длины мече, похожем на итальянский малхус, и небольшом круглом щите. Подумав немного, он также выбрал себе ростовое, с широким листовидным лезвием длиной около тридцати сантиметров, копье.

Федор с подозрением подумал, что и всё остальное оружие наверняка также придется по руке, словно было сделано точно под него. Подумав, парень аккуратно вложил разбросанное от восторженных поисков оружие обратно в стойки и повесил опробованные щиты обратно на стену. Мало ли что там скажут хозяева. В том, что хозяева есть, он не сомневался, зал был подозрительно чистым. Оружие также было отменно заточено и начищено.

Мальцев двинулся вдоль стены, отстукивая копьем в такт шагов и ведя рукой вдоль стены. Щит парень забросил за спину, в таком положении нести его было удобней всего. Завершив обход комнаты, Федор сделал для себя неприятное открытие: панели в стенах были пригнаны друг к другу почти без зазора, пустоты в стенах также отсутствовали. Напрашивался вывод, что попасть он сюда мог или через верх, или через низ. Причем в последнем варианте его бессознательную тушку должен был сюда кто-то перетащить.

Идея, о проникновении через потолок, после недолгих размышлений, была откинута за очевидной бредовостью: после падения с десяти метров в бессознательном состоянии он вряд ли бы себя хорошо чувствовал.

Простукивание плит пола также не дало ни малейшего намека, такое впечатление, что этот зал находится внутри какой-то скалы, везде звук цельного камня. Пройдя в очередной раз из одного угла зала в другой, Мальцев начал потихоньку паниковать. Не то чтобы у него была клаустрофобия, но мысль о том, что он замурован неизвестно где, без запасов воды и пищи, логически не могла настроить на благодушный лад.

Кстати о еде. Еще до появления здесь парень уже начинал ощущать голод. Ягод и плодов с найденных им садовых деревьев для насыщения не хватило. К тому же, что такое несколько фруктов для голодного мужика? Здесь же желание поесть как отрезало. Чудеса. Хотя и вполне объяснимые с точки зрения стресса.

За подобными рассуждениями Федор пришел к выводу, что оказаться в этом зале он мог только с помощью неведомых хозяев зала. Его не связали и даже дали возможность выбрать оружие, а это значит, что, возможно, надо подождать, пока хозяева появятся, и там уже действовать, согласно обстановке. С этими мыслями он прошел на середину зала и сел в центр ближнего к нему щита, скрестив ноги.

Положив рядом копье и взяв в руки меч, Мальцев принялся тщательно рассматривать доставшееся ему оружие. Клинок длиной примерно семьдесят сантиметров, прямая рукоять длиной не более тридцати, с утолщением на конце. Гарда в виде овальной пластины из желтого металла с поверхностью, стилизованной под структуру листьев, рукоять обтянута змеиной кожей.

– Чо дылда?! Нравится зубочистка?!

От неожиданности парень подскочил на полметра, выронив меч, и уставился на своего внезапного оппонента. Напротив, в пределах нарисованного щита, опираясь на тонкое копье и почесывая пузо, стоял страшный сон алкоголика. Такого индивида Мальцев еще никогда не видел: тонкие длинные ручки, узловатые кривые ноги, зеленая пупырчатая кожа, вся покрытая татуировками, черные, почти без белков глаза, большие заостренные волосатые уши, лоб покатый, лицо треугольной формы и острые белые зубы. Как раз этими самыми акульими зубами кошмарный прообраз зеленого чебурашки и лыбился в настоящее время.

Ниже пояса индивид был одет в некое подобие килта из шкуры неизвестного животного, на ногах его были сандалии из толстой потрескавшейся кожи. Ногти на руках и ногах были длиннее человеческих и слегка загнуты. На шее висел целый ряд всякой дряни на веревочках, какие-то косточки, деревяшки и несколько монеток. Ростом коротышка был не выше полутора метров.

– Я знал шо тебе понравлюся! Целуй ногу, отпущу живым, – прогундосил этот зеленый собрат Тимати, с этими словами уродец вытянул правую ногу вперед и растопырил зеленые грязные пальцы.

От неожиданности заявления Мальцев поперхнулся, выпучив глаза. Все слова приветствий и доброжеланий разом высыпались из головы как сушеный горох из порванного мешка.

– Почему это я должен тебе ноги целовать? – закипая, осведомился он.

– Потому шо я дюже умный и привлекательный, – как недоумку объяснил зеленый уродец, ковыряя когтистым пальцем в носу.

«Это же настоящий гоблин, не, ну точно. Зеленая рожа, острые зубы, уши, в конце концов. Не надо было есть те ягоды», – пронеслись запоздалые мысли. Федор зажмурил глаза, мотая головой. Главное со своими галлюцинациями не общаться, не говори с ними, здоровее будешь. Некстати вспомнился случай из прошлого. Как-то после очередной гулянки выползли они толпой под утро с квартиры однокурсницы на ключевой семинар по философии. Сказка, а не предмет, преподаватель был любим и почитаем как чудотворная святыня всеми студентами направления.

В то время, когда профессор философии, фанатично посверкивая стеклами очков, с жаром в голосе живописал истоки конфликта мировоззрений Гердера и Канта, остальная часть аудитории мирно похрапывала на дальних партах, спокойно переживая крах немецкой диалектики во сне. На очередном витке разбора гневной отповеди Гердера один из однокурсников с поэтической погремухой Бивень, обкушавшийся «отвертки» и усугубивший косяком, поймал во сне нехилый глюк.

Под впечатлением недавно просмотренного фильма ему показалось, что он женщина и спасается в лесу от маньяка «кожаное лицо». Получая полной мерой во сне ужас от созерцания приближающегося маньяка с пилой, он вцепился в парту и начал непрерывно на одной ноте подвывать, чем и заинтересовал преподавателя. Последний, в силу своих исключительных человеческих качеств, ошибочно решил помочь привести студиозуса в чувство, для чего принялся тормошить скрюченное тельце. И вот, уже увязнув в реалиях своего кошмара, не в силах сопротивляться панике, Бивень ощущает, что кто-то схватил его за руку и зовет по имени.

От раздавшегося затем визга весь ближний круг студиозусов чуть жидко не оконфузился. Далее оттолкнув от себя профессора и сбежав на нижний ряд парт, Бивень рыбкой выпрыгнул в открытое окно второго этажа.

Трудно сказать, кто больше пострадал от происшедшего. Профессор, заработавший неслабый шок и запивавший нитроглицерин валидолом, или Бивень, застрявший в позе эмбриона в плотно высаженных кустах шиповника. Одно Федор вынес из этой истории точно: категорически не стоит мешать водку с травкой.

– Обгадился человечек! Отдавай одежку-то, штаны тока грязные оставь себе. – Гнусно захихикал зеленый глюк.

Против всякой логики, Мальцев начал злиться.

– А рожа твоя зеленая не треснет?!

На морде гоблина пронеслась череда мучительных мыслительных процессов.

– А. Это ты меня обидеть хочешь?! – обрадованно прогундосил он.

Парня неожиданно прорвало.

– Ты в зеркале-то себя видел? При всем желании я тебя не смогу обидеть больше, чем твои родители.

– Это ты в моей красоте сомневаешься?! Крыса обоссанная! Я тебе сейчас кишки на копье намотаю! – взревел не своим голосом гоблин, яростно подпрыгивая в черте щита, словно что-то мешало ему выйти.

– Нельзя сомневаться в том, чего нет. Что ты мне сделаешь, малыш, а? – злорадно парировал Федор, привставая и нащупывая за спиной копье. Мало ли что этот псих выкинет, вон у него зубы какие, да и лезвие копья не выглядит стерильным, царапнул и месяц стационара обеспечен.

Сделав еще шаг назад, парень повернулся посмотреть, куда же делось копьё, краем глаза заметил движение и только по счастливой случайности избежал удара. Непонятно каким способом, коротышка успел молнией преодолеть три метра и теперь с выражением злобной сосредоточенности вертел копьем на опасном расстоянии от живота Мальцева.

В растерянности парень отпрыгнул назад и скорее по наитию, чем специально, перекинул щит в левую руку, наудачу махнув мечом перед собой. В ногу тут же прилетел удар от коротышки, очевидно, тот целился в левый бок, но был вынужден уйти с линии атаки и перенести точку удара. Вспышка боли смыла растерянность и наполнила Мальцева гневом. Следующие десять минут выпали из сознания, гоблин, почувствовав непрофессионализм соперника, шутя уходил от размашистых ударов, насмешками и уколами в ноги и руки выводя из себя соперника.

Копье в руках коротышки как живое летало, дергалось и жалило как змея. Федор злился, напрягался, крутил мечом во всех направлениях, но не мог ничего противопоставить гибкому как резина и резкому как понос коротышке, постепенно покрываясь сеткой порезов и уколов. Хуже всего то, что он начинал постепенно уставать и всё чаще пропускал удары.

Кожа вокруг ран почему-то онемела, но это было даже к лучшему, по крайней мере, так он не чувствовал боли. В голове скорым поездом мелькнуло, что

лезвие копья может быть отравлено, но мысли сдаться не появлялось, Мальцев каким-то образом знал, что коротышка не проявит сострадания.

Минут через пятнадцать избиения, схваткой это называть нельзя, парень начал понимать, что теряет контроль над телом. Не было уже привычной ясности в голове, ноги начали заплетаться, а правый глаз залила струйка крови. Вот левая рука разжалась, и щит, громыхая, покатился по полу, правая рука с мечом стала чудовищно тяжелой, и было трудно её просто держать на весу, не то что двигать.

Коротышка, убедившись в бессилии противника, картинно встал, опираясь на копье, и начал что-то с увлечением вещать, что именно, уловить было сложно: парень пытался просто удержаться на подгибающихся ногах и не уронить оружие.

– А после того как я отрежу тебе уши, – мечтательно закатил глаза гоблин, – я сниму с твоей пустой башки кожу и сделаю из черепа горшок для своих щенков, чтобы ты хоть тут смог чем-то пригодиться.

Непонятно, что сыграло свою роль. Чувство собственного бессилия или нежелание быть ночным горшком, но Мальцев последним усилием поймал нить управления над телом и, выронив меч, прыгнул на коротышку, сдавливая его в объятиях: тот неосмотрительно подошел слишком близко и не успел отреагировать.

Гоблин оказался удивительно костлявым и жестким и мало того, что умудрялся кусаться, так ещё и пах отвратительно. В голове Федора что-то шелестело, как от давления при сильном напряжении, парню сквозь туман восприятия показалось даже, что он слышит, как лопаются сосуды, один за другим.

Получив пару болезненных укусов и чувствуя, как силы оставляют его, Мальцев, наконец, откинул все мысли. В ярости заорав, он, сдавив изо всех сил горло коротышки, начал бешено колотить его о плиты пола.

Успокоился Федор только тогда, когда хрип гоблина затих, а сам он весь перемазался в дурной зеленой крови твари. Оставшихся сил хватило, только чтобы сползти с трупа. Отодвинувшись в сторону, он упал лицом на холодный камень пола и, закрыв глаза, провалился в черный колодец беспамятства.

Глава 7. Дела империи

Над Фиарварденом начинался рассвет. Сквозь редкие облака пробивались лучи светила, окрашивая их в красивые желто-красные тона. Предсказатели назвали бы подобные краски неба нехорошим предзнаменованием, возвещающим жителям города о неприятных событиях, однако положа руку на сердце от этих кликуш в синих балахонах редко услышишь доброе слово.

В солнечной дорожке на заливе Фиары в этот ранний час дрейфовало множество мелких рыбацких лодчонок: рыбаки спешили снять сети до того, как начнется движение в порту, и раньше других выложить свой улов на прилавки.

Рынок, располагавшийся в непосредственной близости от порта, потихоньку заполнялся торговым людом. Уже бегали носильщики со своими громыхающими тележками и недовольно кричали животные, перевозящие товары и сами являющиеся товарами.

Далеко отсюда, почти на расстоянии полета стрелы, зубцы восточной городской стены еще только позолотило лучами, но уже были слышны свистки, оповещающие утреннюю смену караула на сторожевых башнях. Стена была детищем первого и самого прославленного правителя из династии Фиаров, Ксандра Первого. Состоя из цельных каменных глыб в рост человека, доставленных гномами, она окружала город по периметру, а в районе порта уходила далеко в воду.

Вторым великим деянием родоначальника династии была Академия наук. Последний, кстати, и сам являлся неплохим ученым и часто в старости сетовал, что на любимое дело совсем не остается времени.

В свете зари купол Академии наук сверкал бликами от почти зеркального блеска начищенных листов легированной меди, покрывающих крышу. Купол средоточия императорских наук, как и хотел Ксандр Первый, видно за многие лиги; издали он похож на большой алмаз причудливой формы, вкопанный в землю в центре города. Впрочем, аналогия здесь вполне уместна, ведь что, как ни знания, является залогом процветания нации и ценится дороже полновесного злата,

которым собственно щедро и платили за обучение обеспеченные горожане и многие чужеземцы.

Личный секретарь нынешнего императора – Деран Валлис – печально вздохнул. Он любил этот город, любил, несмотря на грязь в переулках окраин, невзирая на дикость распутных поселений за городской стеной и мздоимство мелких и крупных чиновников. Любил за высокую поэзию великих литераторов, за прохладу тенистых улочек, журчание городских фонтанов и величественность зданий. Любил за красочные шествия, с представлениями устраиваемые по праздникам; когда за счет городской казны сирым и убогим мира сего дают возможность продержаться еще один долгий день.

Еще мальчишкой-писарем, в свободное время, Деран забирался на самый верх королевского замка, туда, где свободно гуляют ветра и селятся птицы, и проводил часы в ожидании заката или рассвета. В молодости он упивался тем, что может служить величию династии, по юношеской романтической слепоте не желая видеть политическую грязь и интриги.

Теперь же, спустя четыре цикла верного служения трону, он успел порядком растерять веру в государство и давно подумывал о несбыточной мечте – тихой отставке. Уехать в глушь и не видеть всего того, что творится близ императорской фамилии, однако это полностью не осуществимое желание. С его должности в отставку уходили прямиком на кладбище, а то и просто исчезали без следа: большое количество чужих секретов отрицательно сказывается на здоровье. Взять хотя бы недавний случай со служанкой графа Корсо, сожранной дикими животными. Бедняжка часто наблюдала изощренные любовные утехи этого гнусного молодого человека, одного из внебрачных сыновей императора, и имела неосторожность сболтнуть лишнего. В тот раз в присущих Корсо извращениях, по слухам, участвовали невольницы из Харемша, что вряд ли получило бы одобрение высочайшей особы. Но тайная служба, подконтрольная графу, и тут отличилась в деле сокрытия информации, свидетелей заставили молчать, а хищники императорского питомника диких животных получили щедрое угощение.

Деран все чаще ловил себя на крамольной мысли, что семейному древу Фиаров пора завести опытного садовника, который будет вовремя ухаживать за нежными многообещающими побегами и без жалости отсекать заболевшие, сорные или неплодоносящие отростки.

Старый король, Искан Третий, начал сдавать: перестал обращать внимание на недовольство народа, криминал и вороватость знати, реагирую лишь на потенциальные угрозы трону. Чернь, почувствовав волю, всё чаще тревожит нападениями на торговые караваны; купеческое сословие вынуждено использовать водный путь, чтобы сохранить жизнь и товары, или нанимать столько охраны, что стоимость для конечного покупателя возрастает в разы.

Неспокойно и на границе с Каффидией. Старые враги точат зубы на южные провинции, которые проходят по плодородным землям и запирают от западников выход к Фиаре. Еще и северные варвары зашевелились, вспомнили о вольностях, что положены им по древнему соглашению, подписанному еще Ксандром Третьим, дедом нынешнего монарха. Королю бы задуматься, усилить внутренние гарнизоны, приструнить благородных и сменить командование гвардии, так нет же, слушает исконных врагов, длинноухих советников. Лицо Дерана скривилось в гримасе недовольства: дети леса постоянно нашептывают о вероломстве восточных баронств, поют песни о долге высшей власти, а сами спят и видят, как бы исподтишка выбить поселенцев и оттяпать пограничные земли.

Вместе с детьми леса свой кусок хотят получить и дети подгорного царства. Эти совсем совесть потеряли. Где это видано, чтобы стоимость доспеха и оружия оценивалась на свой вес серебром? Сдурели бородачи. Мало того, что почти весь ростовщический бизнес захватили, так и в обработке металлов почти монополисты: до качества их изделий государственной мануфактуре никогда не доползти.

Пробили сторожевые склянки, снова напоминая о скорой смене дворцовой стражи. Пора спускаться. Сегодня на прием к правителю записан посол Каффидии, интересно будет послушать, какие вести на этот раз привез старый пердун Бисале.

Спускаясь с крутой лестницы, секретарь слегка прихрамывал на правую ногу – результат участия в императорской охоте: тогда еще юного писаря никто не принимал в расчет, он был допущен ко многим из опасных забав молодого императора. В тот день молодой Искан решил в одиночку завалить горного вепря, привезенного откуда-то из северных провинций.

Вепрь не принял правил игры и, походя, задрал лошадь правителя, попутно перетоптав свиту и выбив Дерана из седла, а затем принялся возить одетого в

легкие доспехи императора по земле. Тут бы и конец династии, но на огорчение врагам, Деран собрался с силами и напал на вепря сзади, всадив ему в спину императорский кабаний меч до самих рогов, от страха чуть не пропоров насквозь и правителя.

Вепрь тихо умирать не захотел и в оставшееся ему время изодрал и самого Дерана, бывшего без доспехов, не оставив на его теле живого места. Император же отделался синяками и испугом, спасла кольчуга гномьей работы, ну и, собственно, сам смелый поступок писаря.

Только умение походного врача, отменное здоровье и внимание самого Искана дали молодому служке возможность выжить, а затем и возвыситься наперекор недругам, получив в награду за свой поступок наследное дворянство и признательность правящей династии.

– А это ты, мой старый друг? Да не погаснет светило!

– Да не погаснет! – ответил Деран и, насколько позволяла больная нога, поклонился. Старый правитель стал сентиментален, обычно правитель не утруждал себя ежедневными приветствиями. – Ваше императорское величество.

Искан Третий неловко продел руку в рукав церемониального платья с драгоценной вышивкой; высокий, с царственной осанкой и тонкими чертами лица, он все еще был красив, невзирая на немалый возраст и возрастные болезни. Неограниченная власть, не смогла оставить отпечатка на его благородном челе, но координация движений уже была не та.

Спереди на церемониальном одеянии все пространство блестело и рябило от драгоценностей и подвесок из золота, само платье весило по словам все того же правителя как еще один пивной живот. Секретарь охотно с ним согласился, придворным ювелирам дай волю – и на спину пришьют брильянты во славу империи.

– Вижу, ты с хорошими новостями. – Улыбнулся правитель, на его покрытом глубокими морщинами лице в предвкушении, молодо сверкнули глаза. Одной из приобретенных привычек императора было начинать день с интересных новостей, и секретарь старался соответствовать моменту, иногда приходилось новости даже подстраивать.

– Вы как всегда проницательны ваше императорское величество. Позвольте спросить. – Деран дождался милостивого кивка. – Ваше императорское величество помнит о зверях для императорского питомника, подаренных нашими восточными соседями? Вы ими не заинтересовались в свое время, поэтому их определили в один из дворцовых парков подальше от строений и ваших внуков.

– Наставницы говорят, что они в прошлом году дергали за хвост дикую собаку, – ответил на удивленный взгляд императора Деран.

– Это который? Кайл или Сагри?

– Наставница жаловалась, что это Шиана.

– Огонь-девка растет, вся в мать. До сих пор жалею, что выдал дочь за этого дурака Гортона. Если бы не внучка… – Император закатил глаза. Секретарю не надо было напоминать, что обычно происходило с неугодными власти лицами. Он опять ненадолго задумался.

– Так что там с питомником, Деран? – Император, раздраженно отмахнулся от спальника и самостоятельно надел обувь, он не любил, когда кто-то прикасается к его ногам, и снова повернулся к секретарю лицом.

– О, простите! Вчера нашли сторожа питомника пьяным, клетка каменной обезьяны была сломана, а самого животного не было.

– Ну что с того? Побегает по парку и вернется, страже давно нужна встряска. – Усмехнулся Искан. Двухметровая обезьяна не с самым мирным характером в дворцовых владениях – сомнительное удовольствие для тех, кто её неожиданно встретит. – А что же наша доблестная дворцовая охрана, опять спит на посту?

– Ну что вы, ваше императорское величество. Они даже не успели как следует приступить к поиску. Обезьяну нашли сегодня утром, вернее её обнаружила одна из фрейлин вашей жены в своей постели. Это такая с кучей спиц в волосах, – напомнил секретарь правителю, зная о его плохой памяти на имена.

– Старуха-смерть?! – Хохотнул правитель. – Эти дикие обезьяны так неразборчивы в связях.

– Позвольте с вами не согласиться, ваше императорское величество. Поутру, разглядев, к кому в кровать оно влезло, бедное животное выпрыгнуло в окно и пряталось на статуе святого Вортиса, пока не сняли. Памятник слуги до сих пор отмывают от помета.

– О, Деран, ты как всегда меня порадовал! – со смехом выдавил из себя император, утирая слезы. – Нельзя так издеваться над животными. Что там у нас дальше?

– Ожидает приема посол каффидов, Бисали ас’Икрам. – Император мгновенно подобрался, как хищник перед прыжком, нелюбовь к вероломным соседям из Каффидии у рода Фиаров была в крови.

– Ну и что надо этим сыновьям помойной жабы?

– В прошении просьба о встрече и больше ничего, посол привез письмо от царственного дома ас’Казим и дары.

– У меня скоро преданных слуг не останется, их дары принимать. – Устало поморщился правитель, намекая на случай, когда, оцарапавшись подаренной диадемой, один из слуг заболел и умер в течение седмицы; император сам никогда не брал в руки дары своих злейших друзей, но то было скорее презрение, нежели боязнь, а смерть слуги так и списали на неизвестную болезнь, ведь даже императорский маг не сумел найти следов яда.

– Зови проходимца, всегда нравилось смотреть, как этот толстый червяк извивается, пытаясь угодить и нашим, и вашим. Большой специалист!

Деран поклонился пятясь вышел из покоев императора. Он с удовольствием бы посмотрел, как этот червяк Бисали извивается на веревке, но дипломатическая неприкосновенность, демоны бы её побрали.

* * *

Тяжело облокотившись на истертую золотую ручку трона, Искан Третий задумчиво выпустил пергамент письма со срочным донесением разведки, который не замедлил скататься в трубочку и с шелестом скатиться по ступеням. Похоже, спокойной жизни настал конец, а он, наивный старый дурак, надеялся умереть, оставив сыновьям сильную страну и мирных соседей. Выходит, просчитался, выходит, дряхл уже для игр властителей.

В коротком письме посол привез и зачитал со всеми расшаркиваниями практически политический ультиматум. В нем Отрей ас’Казим предлагал пересмотреть настоящие границы между Каффидией и Фиарской империей. По этому разделу две южные провинции и выход к Фиаре должны отойти к Каффидии. Мотивировал султан Каффидии свое предложение тем, что пять циклов назад эти провинции и так принадлежали султанату. По результатам набега орков они были разорены и какое-то время оставались спорными территориями. Тогдашний вождь орков, показав отменное знание реалий в политике, передал эти провинции Фиару, получив взамен степи к востоку от империи и дополнительно буфер между ними и Каффидией.

Несмотря на изысканно вежливый стиль изложения, Искан не обольщался, отдай этим дикарям хоть часть, и они через год придут требовать еще, а, увидев слабость Фиара, могут проснуться и мятежные бароны. Потом и другие добрые соседи подтянутся, рвать ослабевшего старого волка.

Только с севера Фиару ничего не грозит. Там страна граничит с морем и островами вольных мореходов, которым долгое существование Фиара только на руку: островитяне живут от даров моря и древнего договора о беспрепятственной торговле с империей. Случись что, и вольностям конец, но хитрые мореходы не станут воевать за Фиар, слишком высоки ставки.

Дети леса тоже давно сохраняют нейтралитет. Им все равно, кто будет жить на границе лесов, а то глядишь, Отрей им что-то уже пообещал; неспроста же недавно длинноухие вспомнили про южные заставы, под предлогом того, что те находятся слишком близко к поющей роще: эта древняя святыня формально находилась в границах империи, но вход в нее людям был заказан. Впрочем, словно из чувства извращенной справедливости, в рощу не мог проникнуть никто из детей леса: древнее святилище отвергло разумных еще в первую войну рас и неотвратимо убивало всех, кто пересекал его границы.

Чего теперь ожидать? Восточные провинции потеряны надолго, южные бы удержать. Не помешали бы союзники, так где их взять, никто же из добрососедских отношений армией не поможет.

Потерев лоб сильными мозолистыми пальцами, Искан резко встал – не время поддаваться упадническим мыслям, у старого волка еще остались зубы.

Глава 8. И вновь продолжается бой…

Мальцеву снился сон, про то, как он отчаянно бьётся с зеленокожим уродцем. В этот раз парень словно наблюдал бой с гоблином со стороны, как будто смотрел кем-то качественно сделанный фильм в замедленном режиме.

Гоблин делает шаг вперед, копье пошло в бок Мальцеву, на теле словно возникла красная риска, показывающая точку удара. В то же время парень неожиданно для себя плавно повел левой рукой, подставляя под траекторию движения щит и одновременно отшагивая назад.

Коротышка, нисколько не удивившись, виртуозно и даже с некоторой показной ленцой нанес серию ударов, но каждый раз на месте точки удара неизменно находился меч или щит. Наконец кто-то, управляя телом Мальцева, отбив клинком копье, прыгнул вперед. Мощным толчком щита отшвырнул гоблина на стену, не давая ему опомниться, и нанес вертикальный удар, разрубивший и копье, и череп коротышки. Картинка остановилась, гоблин застыл в падении, а Мальцев в странной стойке: щит закрывает левый бок, наискосок, с наклоном нижней части к противнику, меч рукоятью к противнику и параллельно полу, обухом лежит на плече, колени полусогнуты.

Внутренний голос хмыкнул: «Но ты же знаешь, что все было по-другому». Перед взором Федора опять обновилась картинка: он снова сидит в центре зала, со щитом за спиной и клинком на коленях. Лихорадочно проверив себя на предмет повреждений, парень обнаружил лишь рисунок из давно заживших шрамов, причем на одежде ни следов от порезов, ни крови не осталось. Трупа гоблина или следов схватки также не наблюдалось, ещё одним вещественным напоминанием о происшедшем было лежащее неподалеку копье с испачканным чем-то темным наконечником и связка амулетов.

С все возрастающим возмущением парень начал понимать, что кто-то затеял с ним непонятную игру. В висках застучало от еле сдерживаемого гнева, после которого только сорваться и крушить окружающее и плевать на последствия.

Резко обернувшись на странный шум, Федор почти без удивления обнаружил напротив себя копию недавнего ночного гостя, с полыхающими зеленым огнем глазницами. Памятуя о бесславной кончине первого костяного товарища, парень довольно спокойно, но на всякий случай, без резких движений, принялся его рассматривать. Одет скелетон был в потерявшее цвет рубище, с многочисленными прорехами и следами гниения, пах он тоже соответствующим образом.

Скелетона столь явное внимание к своей персоне равнодушным не оставило, ворочая черепушкой, тот гневно зашипел как змея. Очевидно, подумал Мальцев, есть какая-то зависимость издаваемого звука от настроения существа, хотя каким местом он эти звуки издает, непонятно.

В длинных руках у анатомического пособия было два меча уже знакомой Федору формы. Судя по всему, скелетон одинаково хорошо владеет обеими конечностями; шансов выиграть драку у такого противника очень мало, а что драться придется – сомнений не было, выбор ему похитители вряд ли предоставят. Мальцев принялся готовиться к предстоящей схватке, рефлексиями можно заняться после, если будет это после, а пока надо продумать стратегию своих действий для увеличения шансов на выживание. Для начала неплохо бы уравнять дистанции поражения.

Пошарив чуть дрожащими от адреналина руками позади себя, парень на ощупь нашел копьё и подтащил к правой ноге, так, чтобы можно было быстро подхватить при необходимости. Меч он продел за крепления в щите, чуть выше и параллельно руке, теперь лезвие немного выступало за щит, но держалось крепко.

Наклонившись вперед, он не медля более, молча бросился на скелетона. Последний опешив слегка замешкался, видимо не привык, что жертвы вот так запросто кидаются на ночной ужас. Поэтому парень запросто воткнул свою пику в правую глазницу черепушки, пробив кость насквозь.

От раздавшегося пенопластового скрипа и шипения у Мальцева мгновенно разболелись зубы. Парень подналег на древко, планируя оторвать ненужную уже башку Скелетону и прекратить это издевательство над слухом, но чуть не поплатился за собственную беспечность. Супнабор вслепую махнул ручищей и, угодив прямо в щит, отправил Федора в трехметровый полет по залу.

Со звуком обвалившейся кухонной утвари прокатившись по полу, Мальцев, чертыхаясь, вскочил на ноги; во время приземления он чуть не пропорол себе бок вывалившимся клинком. Схватив меч, Федор снова кинулся на противника, надо было зафиксировать достижения, но тут же понял, что опоздал; скелетон, обрубив древко, помахивая своими монструозными клинками, уже направлялся к нему.

Первый удар парень принял на щит и чудом смог удержаться на ногах, силищи тварь была неимоверной. Второй удар он успел парировать, если можно так назвать эту неловкую отмашку, но от удара меч выбило из руки. О том, чтобы теперь перейти в атаку, не могло быть и речи, Мальцев просто не успел бы достать до костлявой морды, поэтому пришлось бегать и уворачиваться. Скелетон же, видимо воодушевившись, активно размахивал руками, описывая все более и более близкие дуги на опасном расстоянии от Мальцева. К сожалению, древко в черепе не мешало этому супнабору двигаться, тварь каким-то образом чувствовала местонахождение противника, и запутать её не получалось. Уже начиная уставать, Федор заметил, что со стороны поврежденной глазницы удары шли неприцельно, и старался оставаться именно в этом секторе, уходя из зоны видимости противника и выгадывая удобное время для контратаки. Улучив удачный момент, он прыгнул под ноги скелетона и, перехватив щит двумя руками, с силой ударил в костяное колено.

Раздался хруст, и скелетон, поворачиваясь, провалился на правую ногу; падая, противник вынужден был опереться о пол, выронив меч, но левой рукой успел отмахнуться от Мальцева. Пролетев кувырком весь зал по диагонали и потеряв щит, Федор со всего маха приложился спиной о стену, выбив дыхание и прикусив язык. Сквозь слезы, пытаясь вдохнуть, Мальцев всё же разглядел, как упрямая черепушка на трех конечностях ковыляет к нему; правая нога, перебитая в колене, волочится следом. Перекатившись набок, парень успел уклониться от удара и на четвереньках перебежать за ближайшую колонну – не до гордости. Скелетон, вынужденный поумерить пыл из-за утери конечности, упорно полз за ним, угрожающе пластая воздух своим внушительным ножиком.

Перебегая от колонны к колонне, Федор добрался до своего меча и призадумался, что-то нужно было менять и срочно. Учитывая длину рук и силу скелетона, безопасно сблизиться для удара было невозможно; наконец его осенило.

Подобрав на очередном рывке щит, Мальцев срезал мечом часть кожаного крепления на внутренней стороне, при этом кожаная полоса на два кулака вышла за края пятнадцатикилограммового диска. Дождавшись пока скелетон приблизится к его колонне, парень отступил на два метра назад и, крутнувшись вокруг оси, с силой выбросил снаряд в сторону противника.

Не иначе как удача направляла руку: диск с внушительным хрустом попал в вооруженную руку скелетона, разбив ему запястье; меч скелетона со звоном укатился в дальний угол, сам он ошеломленно опрокинулся на спину.

Обрадованно завопив, Федор тут же осёкся, скелетон поднялся на культе и, порыскав глазницей по залу, пополз за мечом; клиент еще не дозрел, решил про себя Мальцев и, быстро обойдя скелетона, подобрал щит.

Разломать все оставшиеся конечности удалось лишь с десятой попытки, к этому времени зал уже напоминал разорённый погост: по всему полу валялись обломки костей, а щит стал похож на недоделанный пельмень – один раз черепушке удалось поймать его и отправить в Мальцева. Хорошо, что этот спорт здесь не знают и скелет промахнулся, силы броска хватило, чтобы безвозвратно погнуть щит и с искрами высечь ямку в камне стены.

Усевшись на безопасном отдалении от шипящего и гневно ворочающего башкой пациента, Федор опустил гудящие руки. Похоже, сегодня он выполнил нормы ГТО по дискоболу на десять лет вперед, можно и отдохнуть, однако перед тем как расслабиться, следовало позаботиться о безопасности. В метре от себя он увидел меч черепушки и, преодолевая усталость, подтянул к себе.

– Правый меч Стража. Бронза, – прошелестел в голове чей-то голос.

От неожиданности Федор выронил клинок, и тот со звоном запрыгал по каменному полу.

– Кто здесь?! Кто это говорит?!! – заорал он, активно озираясь.

– Выходите, твари! Что, слабо лично со мной справиться?! Струсили суки?! – Пыл парня быстро угас, сменившись убеждением, что ему не ответят.

Чтобы проверить свою догадку, он снова подобрал меч; тишина.

– Ну что?! Проверим, кто из нас более терпеливый! – прорычал сквозь зубы Мальцев, беря второй меч черепушки.

– Левый меч Стража. – На этот раз парень не выдал испуга, хотя внутри него все похолодело и съежилось. Федор сообразил: вполне возможно, озвучивают только первый раз взятый в руки предмет.

Подобрав копье гоблина, парень узнал, что сделано оно из ветви родового дерева и наконечник его вымочен в настойке многокомпонентного яда, смешанного с мочой. Извращенцы зеленые.

Один из амулетов голос определил как оберег от сглаза, второй должен был усиливать потенцию; Мальцев ухмыльнулся, ничто человеческое ксеносам не чуждо.

С пришедшей внезапно догадкой парень осторожно подобрался к шевелящему головой обрубку и прикоснулся к дергающемуся остатку нижней конечности.

– Костяной Страж. Опасность низкая. Подвижность создания нарушена. Повреждения необратимы. Для окончания испытания отсечь голову.

«Вот нифига себе, – подумал он, – испытание. Это за какие такие заслуги».

– Эй, народ?! А кто вам сказал, что я хочу пройти эти чёртовы испытания? Может я пацифист, может я вообще сюда по ошибке попал. Покажите, где выход, и я больше вас не побеспокою.

Тишина длилась, и отвечать ему, судя по всему, никто не собирался.

– Башку говорите снести, чтобы вы и дальше надо мной тут потешались? Нет уж! Хватит игр!

Спустя, казалось, сутки нахождения в зале Фёдор так и не обнаружил способа выйти. Пол и стены выглядели так же монолитно, застойный полумрак и тишина.

От нечего делать парень перепробовал все виды оружия в стойке, подобрал себе прямоугольный щит примерно восемьдесят на пятьдесят сантиметров и новое копьё взамен сломанного. Голос все так же молчал.

Наконец Мальцев решился. Закрепив щит на спине и сжав в левой руке копье, Мальцев подошел к скелетону. Последний, предчувствуя недоброе, зашипел еще громче и задергался, пытаясь хоть зубами добраться до обидчика; зубы у черепушки были внушительные, с хорошо выраженными клыками на верхней и нижней челюсти, явно не фруктами питался при жизни.

– Ну что, дружище, ничего личного.

Сев на старое место, Федор сосредоточился, в этот раз он не собирался пропускать появление нового соперника.

Глава 9. Новые лица

По Запретному лесу безмолвными тенями, почти не тревожа буйной растительности, хищно скользила пятерка молодых ловцов ветра. Шаг их был выверен и точен, члены отряда соблюдали отработанную дистанцию и темп передвижения, выдавая немалый опыт взаимодействия. Ради точности описания, следовало признать, что и молодыми-то их могли посчитать разве что собратья по клану: самому юному из них уже стукнуло шесть циклов. Беда в том, что в сугубо традиционалистском обществе, к которому они все принадлежали, и «самый юный» и все остальные члены отряда, будут считаться бесправной молодежью до тех пор, пока не принесут ощутимую пользу клану или не отправят к творцу десяток достойных врагов.

Лиарденаль, мысленно отстранившись от бега, с предвкушением думал о том, что вот уже скоро закончится пора бесславной юности и его наконец допустят на совет достойных. Дадут право принимать участие во внешних рейдах, право на святую охоту и выбор спутницы.

И наконец, он утрет нос заносчивым типам из четвертого круга посвящения, заполучив лилию раньше тех. Представляя удивленные лица приятелей и знакомых, Лиарденаль коснулся кончиками пальцев медальона на груди, отец тоже будет доволен. Последняя встреча с главой семьи не была приятной, отец явно был не в духе, назвал его мотом и бестолковым мальчишкой, который только и может, что напиваться в людских поселениях да транжирить деньги. Что более всего обидно, отношения в семье к Лиарденалю было не в пример холоднее, чем к старшей сестре, имевшей таланты в магической сфере. Впрочем, он и сам не пылал сыновьей любовью, но пренебрежительные высказывания было крайне неприятно слушать; узнать бы ещё, кто донёс. Теперь же наверняка отец станет гордиться удачливым отпрыском, конечно же не прилюдно – традиции, но ему лично хватит и знания.

Перед открытой местностью у реки, где располагалась деревня, разведчики скрытно остановились. Привычно скользнув в нижний план, Лиарденаль показал открытую руку – чисто; гоблины слишком беспечны, за что и поплатятся.

Двоих стражников на тропе перед деревней бойцы сняли быстро, Мэгбринор и его братец Аэгбринор, подхватив за ноги трупы, оттащили их в кусты, подальше от натоптанной дороги и случайных взглядов. Двое устремились внутрь деревни, оставшаяся часть команды заняла свое место по заросшим краям изгороди, приготовившись бить всех, кто будет пытаться выйти и на случай возможной засады, чтобы обеспечить отход.

По раздавшимся крикам, Лиарденаль понял, что присутствие чужаков наконец заметили; тупые животные, даже охрану селения не могли нормально устроить. Из-за деревянного навеса вынырнул Эльгол, его дорогой плащ был порван, но лицо светилось азартом и предвкушением схватки.

– Сюда. – Махнул он рукой.

Сорвавшись с места, Лиарденаль наложил стрелу на сипер и, привычно оттянув тетиву, на ходу выстрелил в выбежавшего из ветхого сарая гоблина, тщедушное тело уродца ударом стрелы закинуло внутрь; раздались испуганные крики. Мимо него с мечом в руке в убогое строение забежал Мэг, в несколько ловких махов прекратив шум.

– Они бегут к реке!

Наложив еще одну стрелу, Лир также на бегу спустил тетиву, точно попав в глаз гоблину, выскочившему с копьем наперевес, а эти коротышки не робкого десятка, отметил он про себя.

Из большого деревянного шалаша, убранного шкурами, навстречу лучнику вышел сгорбленный старый гоблин с клюкой. Лери, прикрывавший справа, выбежав вперед, небрежно махнул мечом, не желая тратить силы на нелепое препятствие. Лир обогнув своего напарника, свернул за угол дома, выпустив еще две стрелы, попавшие как всегда точно в цель.

Услышав крики товарищей, лучник немедленно обернулся. Уродливый старец почему-то был еще жив и, размахивая клюкой, уверенно теснил Лери и подоспевшего тому на помощь Мэга. От удивления, Лир даже приостановился, старик между тем ловко подбил ногу Мэгу и воткнул в спину Лери острый край клюки, намереваясь добить последнего в голову.

Спустив тетиву в спину прыгнувшего на напарника гоблина, Лир приблизился к товарищам, помогая пострадавшему подняться. С изумлением выпучив глаза, Лери пытался вдохнуть: удар старика был чудовищно силен, острый конец клюки прорвал толстый плащ с курткой и, если бы не кольчуга, наверняка проткнул тело насквозь.

Со стороны ворот к ним уже спешили Эг и Эльг, волоча за собой бессознательное тело зеленого уродца.

– Всех, кто вышел, зарезали, этого подранили, но жить будет. Несколько мелких убежало на болото, но там мы их уже не достанем, придется спешить.

– Нам нужно ещё двоих, – твердо сказал Лир. – Ищите.

– Там, в сарае, я связал нескольких, как знал, что пригодятся. Смотрите осторожно, они кусаются, – сообщил Мэг, сумев отдышаться.

– Ты всего боишься, Мэг, тебя вон даже старик чуть не покусал. – Заржали Эг с Эльгом.

– Братец, да тебя даже моя сестренка на мечах стригла, тебе ли о страхах говорить.

– Этот старик, будь у него нормальное копье вместо инвалидной палки, нас обоих отправил бы к праотцам, – заступился за друга Лери. – Я таких бойцов только в стражах видел, а вы меня знаете, зря говорить не буду. Надо уходить из этого логова, пока охотники не вернулись, иначе рваными плащами не отделаемся.

– Нас обманули. – Внимательно посмотрел он в лицо Лира. – Племя большое, и это не просто временный лагерь.

– Вернемся, я задам вопросы Орхису, – не меняя выражения лица, сказал Лир.

– Нас с собой позови, – многозначительно погладив рукоятку парных клинков-кинжалов, сказал Аэгбринор. – А сейчас поторопимся.

Вытащив пленных, Лир тщательно проверил путы. У жертвы не должно быть шансов, слишком многое на кону. Кивнул в сторону раненого – лишний, перекинул через плечо самку гоблина и легко побежал в сторону ключевой точки их маршрута.

* * *

Кажется, Федор моргнул, и тут же, словно стремясь воспользоваться его оплошностью, щит напротив заполнила фигура очередного соперника.

Этот экземпляр был не похож на предыдущие. Начнем с того, что это определенно был человек: худощавая, стройная фигура, затянутая в черную бархатную ткань, на руках перчатки, на ногах кожаные сапоги до колен. Вооружен его противник, что уже несомненно, был двумя прямыми клинками, которые и держал обнаженными крест-накрест на коленях. Темные глаза внимательно глядели через матерчатую маску, закрывающую верхнюю часть лица; несмотря на спокойную статичную позу, от фигуры веяло смертельной опасностью.

Мальцев потер рукой кольцевой шрам на шее. В предыдущем бою он не успел даже толком среагировать на атаку, как пол, меняясь с потолком местами, укатился вдаль. Краем глаза парень успел только заметить, как его тело, немного постояв, подогнуло ноги и ничком упало, разбрызгивая кровь на колонну. Его противницей в тот раз была темнокожая высокая девица, одетая в отливающую металлом тунику.

Она небрежным движением стряхнула кровь с длинного клинка и ловким движением вложила в заплечные ножны, не потревожив длинные серебристые волосы. На тонком точеном лице с лиловыми глазами не отразилось и малейшей тени эмоций, словно букашку раздавила. Хладнокровная тварь.

Удивительно легко для самого себя пережив иллюзорную гибель, но очень даже реальную боль, он решил, что так легко не даст себя подловить в следующий раз.

– Эй! Может, договоримся? Нам незачем убивать друг друга на потеху неизвестно кому. – Попытался было Мальцев решить вопрос дипломатией. – Может, разойдемся?

Не получилось, но попробовать стоило. Медленно, не отрывая глаз от соперника, он притянул копье, готовясь отпрыгнуть в сторону. Человек в черном, вдруг оказался рядом и тут же отпрянул, словно размазавшись в воздухе. Только тогда парень почувствовал, как немеет левая рука, по плечу побежало что-то теплое, и пальцы стали липкими.

Чертов ниндзя, снова исчез из виду. Появившись справа и отведя клинком копье, ударил уже в ногу, в последний момент переведя укол в плечо. Еще не чувствуя боли, Федор бросил в него копье; ниндзя ожидаемо увернулся и плавной походкой по дуге начал приближаться.

Перехватив из-за спины щит и чувствуя с каждой каплей крови, что руки наливаются тяжестью, Мальцев шагнул противнику навстречу, вложив в выпад все свое бешенство. Играючи отклонив меч, человек в маске с разворотом чиркнул по бедру вторым клинком и снова разорвал дистанцию; тут же появился слева, и парень ощутил боль в спине.

Мальцев опять не успевал реагировать на такого быстрого соперника. Чувствуя свою беспомощность, он старался махать мечом быстрее во все стороны, чтобы не дать приблизиться к себе; всё было тщетно. Вот он получил еще два укола, силы кровавыми ручейками оставили его, ноги подогнулись, и из рук выпал меч. Стоя на коленях, парень с ужасом смотрел на медленно, как в замедленной съемке, приближающееся лезвие меча и не мог пошевелиться.

Клинок с отвратительным хрустом вошел в грудь Мальцева, тело пронзила чудовищная боль. Горло наполнилось кровью, на мгновение свет в глазах померк, и он повалился на бок, пытаясь вдохнуть и увлекая за собой оружие. Уткнувшись виском в холодный пол, парень краем глаза видел, что убийца, криво усмехаясь, сидит рядом на корточках, чего-то ожидая.

«Издевается тварь!» Содрогаясь в конвульсиях, Мальцев вдруг почувствовал в руках какую-то палку и из последних сил ткнул ею в лицо врагу. Тот лениво дернул ладонью, отшибая от себя копье гоблина и, видимо всё-таки порезался, удовлетворенно понял парень, роняя голову на пол.

Тьма.

* * *

Воин был доволен, несмотря даже на то, что потратил на чужака неприлично большое количество энергии.

Первые выводы уже говорили о том, что он наконец завершит свою миссию. Несомненно, это божественное провидение, боги сошли с ума и смилостивились, послав этого слабого щенка, чтобы указать ему путь. Бесполезный на поле боя, не умеет обращаться ни с одним видом оружия, не знает ни одного ритуала вызова противника на бой, но всё же силен духом. Как он расправился с адептом тени, загляденье! Даже уходя за кромку, сумел ответить.

В своем затянувшемся существовании Воин уже практически не мог влиять на мир за стеной, теперь же судьба давала ему шанс. Осталось только получить согласие. В то, что чужак может отказаться, Воин не верил. Не то что у него не было выбора, выбор как раз был, но любой здравомыслящий человек не станет добровольно отказываться от жизни, пусть даже она настолько никчемная.

У жрецов древнего культа Ао, распространенного среди гоблинов задолго до появления людей, существовал особый ритуал передачи знаний главного жреца своему последователю. Когда старый глава уставал от бесконечной смены циклов, а старейшины жили благодаря магии чуть ли не вечно, он готовился к церемонии вознесения. Попросту говоря – к смерти. Собственно, после полутора десятка столетий смерть или окончательное забвение Воин уже и сам стал считать избавлением. При осуществлении ритуала следовало посвятить в таинства избранного послушника, который в процессе вознесения получал в дар от уходящего отпечаток сознания, навыки, а иногда и какую-то часть памяти.

Поскольку ритуал был посмертный, то есть передающая сторона гарантированно уходила в мир иной, а также, мог осуществляться только по доброй воле сторон, в мирской жизни он как-то не прижился.

Прошли тысячелетия. В результате происшедших катаклизмов, прозванных эльфами Исходом, наступил закат империи снагги. Сами они, потеряв доступ к древней магии, постепенно скатились к дикому варварству. Величественные города их сгинули в море или были поглощены буйно растущими лесами, а спустя ещё какое-то время, в огне междоусобиц, тихо и не без помощи извне исчезли все посвященные в таинства. Почти все…

* * *

Сознание возвратилось рывком, словно кто-то щелкнул рубильником.

Он находился все в том же зале, среди серых стен и уходящих в темноту колонн. Оглядевшись, заключил, что отличия всё же есть: на полу толстый слой пыли, потолок ниже, и по нему щедро змеятся трещины, пара колонн когда-то упали, и теперь обломки перегораживали зал. Присутствовал знакомый запах затхлости и сырости, который обычно исходит от старых заброшенных помещений.

Сам он лежал на плоском камне, имеющем форму почти правильного параллелепипеда, в центре зала. Кое-как присев и потирая задубевшие от холодного камня конечности, парень решил осмотреться.

Свет пробивался откуда-то сверху; проморгавшись, Мальцев различил ступени каменной лестницы, заваленной обломками плит. Что странно – судя по

одинокой цепочке следов, сюда он пришел самостоятельно. Успев удивиться данному обстоятельству, – лунатизм был за ним ранее не замечен, – парень вздрогнул, услышав покашливание сзади.

У ближней к нему колонны, со сложенными на груди руками, стоял высокий старик, в богато украшенном халате почти до пола. С этого расстояния Федор различил даже цепочку странных иероглифов, вытатуированных на его лысой голове. Старик, с ехидной улыбкой разглядывая Мальцева, степенно оглаживал куцую седую бороденку.

– Эээ… – уважаемый. – Растерялся Мальцев. – Вы можете сказать, где я нахожусь? Я, кажется, немного заблудился. Вы понимаете меня? По-русски говорите? – Он попытался привстать с плиты и обнаружил, что не может оторвать ладони от камня, словно их кто-то приклеил.

Старик кашлянул-хихикнул в кулак, а, увидев багровеющее от злости лицо Федора, довольно задребезжал старческим смехом.

– Да вы что издеваетесь?! – сорвался на крик Мальцев. – Дурдом какой-то. А вы тоже, пожилой человек, постыдились бы себя так вести. Пользуетесь моей беспомощностью.

– Для беспомощного гостя чужого тебе мира ты довольно успешно справляешься с опасностью, – прошелестел знакомый голос.

– Так вы понимаете русский язык? Как это чужого мира? Кто вы такой?

– Сознанию нет необходимости использовать для общения пустые звуки. Ну а мир и в самом деле несколько …м-да… не твой. Что же до моего имени. – Старик пошамкал губами. – Можешь звать меня мастер. И нам определенно есть, о чем поговорить.

Голова по ощущениям уже была готова взорваться от домыслов и предположений. Еще и это привидение с самомнением, зовите меня просто – хозяин. ХА! Парень закрыл глаза.

– Это какой-то кошмар. Я точно сплю.

Камень плиты неприятно холодил тело сквозь тонкий слой одежды. Черт! Слишком реально.

Старик все так же ехидно улыбался.

– Немедленно отпустите меня! Я не буду разговаривать, пока вы меня не отпустите? – взвизгнул Федор. Психика ощутимо давала сбой, ещё немного и будет форменная истерика, с удивлением заключил он.

– А с чего ты взял, что это я тебя держу? – старик снова задребезжал. – Не торопись, мальчик. У нас есть еще впереди немного времени, и проснуться успеешь, и снов насмотреться, и на свежем воздухе погулять, а пока я тебе расскажу небольшую, но крайне интересную историю.

Старик положил руки за спину и принялся степенно вышагивать взад и вперед по залу, роняя на ходу слова. Судя по всему, истории он рассказывать любил.

Глава 10. Договор

Проснулся Федор рано утром – небо ещё только красилось восходящим солнцем – от стука собственных зубов и дрожи в замерзших членах: за ночь сильно похолодало. Вытерев росу с лица и с трудом разогнувшись, он начал ворошить ещё тёплые угли костра и разминать конечности, чтобы не простудиться, надо было скорее согреться.

Короткий сон на холодном полу оставил массу неприятных впечатлений, и как ещё выживальщикам нравится мерзнуть на природе в поисках ярких впечатлений, больные же люди. Хороший хозяин собаку в такую погоду на улицу не погонит, а тут городское дитя экстремально мерзнет. Трясясь от холода и вполголоса ругаясь, Мальцев раскидал завал камней на месте лестницы. В животе тут же активно забурлило, протестуя на перерасход калорий. Вчера, перехватив на голодный желудок несколько плодов местной растительности, он ожидал худшего, но кроме негодующих бурчаний желудка ничего, к счастью, не произошло. Плоды, к огромному облегчению, как бы смешно это ни звучало, оказались не ядовитыми.

Прихватив самодельное копье, парень осторожно спустился вниз, надо было проверить ночного гостя и вообще осмотреться на местности.

Кучка камней, этакий импровизированный курган, всё так же мирно лежала на своем месте. Осторожно скинув пяткой копья верхние камни, Мальцев добрался до обломков костей и обрывков истлевшей хламиды – скелетон практически рассыпался в горку разнокалиберных обломков. Не церемонясь, расшвыряв кости в разные стороны, он докопался до разбитого черепа и оружия своего ночного гостя, который оказался кинжалом весьма впечатляющих размеров. Сделанный из материала, похожего на бронзу, он напоминал ножи непальских полицейских – кухри, только был больше раза в два и немного иной формы.

Этаким ножичком можно деревья валить, заключил парень и засунул новый трофей за ремень, с такими соседями – пригодится. Раздолбив для надежности в труху череп скелета, Федор решил прогуляться по местности и заодно подыскать себе пропитание. Вегетарианцем парень не был, и гулять до кустиков шесть раз на дню после местных ягод совсем не хотелось.

Поскольку к прогулкам в лес душа не лежала, единственный выход был ловить птиц в развалинах или заняться рыбалкой. Подумав, он решил последовательно попробовать и то, и другое, благо ни в чем конкретном силен не был.

С высоты третьего этажа ночью было слышно шум воды, похоже, побережье не так уж и далеко. Наметив ориентиры, он направился туда, осторожно пересекая и обходя завалы, и скоро достиг точки своего краткого путешествия. Метров через двести улица кончилась обрывом, внизу в двух метрах от края о берег плескало море. Судя по обломкам камней в воде и остаткам стен, на этом месте также была часть города, теперь затопленная.

Раздевшись и прихватив копье, Федор залез в воду, которая оказалась приятно теплой – хоть какой-то плюс. Поскальзываясь на поросших водорослями камнях, он зашел дальше, уже по пояс. Из краем глаза просмотренных программ по дискавери следовало дождаться, пока распуганные шумом рыбы снова соберутся на место своего обычного обитания. Замерев с копьем в руках, Мальцев задумался, надо было как-то осмыслить полученную информацию, разложить по полочкам.

Ашкерум, более тысячи лет назад или сто два цикла по местному летосчислению, был свободной торговой республикой, которой руководил выборный совет старейшин. Для строя, сложившегося на материке, он был как кость в горле, поскольку не имел четкого сословного и расового разделения: в нем проживали на равных началах практически все известные расы, в том числе и везде отверженные полукровки. В общем, для своего времени – город-государство утопия.

Естественно, в республику стекались все продвинутые массы общества, не нашедшие себе места в своей стране. Эта новая кровь с бешеной скоростью побуждала город к развитию, а граничащие с республикой феодальные владения между тем теряли подданных и ресурсы.

Такой расклад никак не устраивал местных феодалов. Поэтому в один прекрасный момент под стенами города собралась сборная солянка из разгневанных властителей окрестных земель, с поддержкой из эльфов, гномов и даже орков; последние пришли просто под шумок пограбить.

В войске под стенами было более семидесяти тысяч воинов, которые мигом разорили все близлежащие поселения. Городу не выдвигали никаких требований, феодалы были нацелены стереть его с лица земли, чтобы ничто не напоминало о существовавших некогда вольностях и вольнодумцах.

Поначалу осада шла вполне с перевесом в пользу обороняющихся. Поскольку бежать горожанам было некуда, то на стены выходили с оружием все, от мала до велика, не щадя ни себя, ни врагов.

Спустя какое-то время и скорей всего благодаря каким-то обещанным перспективам, к атакующим присоединилась гильдия магов, что в целом и предрешило участь города. Несмотря на наличие магов и у республики, горожан задавили массой, закидали трупами.

Когда начали разрушаться стены, лишившиеся магической защиты, все уже было ясно, и остатками совета старейшин города было решено нанести последний удар.

Этот обряд задумывался как последнее слово в споре. Разрабатывали изначально его городские некроманты, вовсе не перегруженные

человеколюбием: сложно любить мир, где тебя с детства лишают дара, вешают магические оковы или как в некоторых странах материка просто убивают вместе со всеми родичами, во избежание проблем. Для адептов смерти сохранить Ашкерум и свой статус-кво было последней надеждой на выживание, более нигде их не принимали.

Наколов на самодельное копье неосмотрительно проплывавшую мимо рыбину, Мальцев вылез на берег и принялся чистить чешую заранее приготовленным острым камнем. Насадив рыбу на ветку и подвесив её над жаркими угольками прогоревшего костра, он снова погрузился в воспоминания.

Ещё до начала осады по всему городу в строго высчитанных местах были закопаны мощные артефакты, которые должны были аккумулировать энергию и направлять ее на работу заклинания. Было только одно «но»: для активации структуры заклятия кто-то должен был добровольно отдать свою жизнь. Кто-то с достаточно сильной волей, чтобы справиться с управлением.

Мастер тогда был одним из старших командиров войска и во время обсуждения плана удара на совете не присутствовал. Как назначенный глава городской дружины он находился со своими учениками возле пролома в стене, отражая атаки прорывающихся в город войск.

В боях он получил многочисленные раны, и его в бессознательном состоянии унесли в храм. Придя в себя и зная, что город погибает, мастер дал согласие на обряд и был принесен в жертву на уже знакомой Мальцеву плите.

Однако, как всегда бывает в самый неожиданный момент, то ли благодаря усилиям нападавших, то ли из-за искажения информационного поля от многочисленных смертей с обеих сторон, все пошло не по плану.

Мастер очнулся, когда мародеры уже заканчивали грабить дома и обирать трупы горожан. Теряя рассудок от ярости из-за увиденного, он направил всю доступную энергию в печать, и город поглотил туман.

От магической пелены не было спасения, не спасали ни доспехи, ни амулеты, он отравлял воздух и разъедал кожу. В считанные минуты от войска, вошедшего в город, остались только горы трупов. Спаслись только те, меньшинство, кто по каким-то причинам не участвовал в разграблении. Большая часть вражеских

магов, предусмотрительно оставшихся вне стен города, к сожалению, тоже не пострадала.

Всего несколько мгновений слышались крики из-за стен, затем все затихло, и город превратился в склеп, укутанный в туман на долгие тридцать циклов. Каждый, кто затем приходил в город поживиться, умирал сразу или впоследствии в страшных мучениях, и это несмотря на то, что заклятие частично потеряло свою силу.

Вторично мастер пришел в себя пару циклов назад. От заклятия не осталось и следа, энергия в накопителе заканчивалась, а для него все происходящее было как будто вчера. Для того чтобы не сойти с ума, он все это время собирал останки горожан и с помощью последнего оставшегося Стража переносил их в склеп в храме, так он надеялся сослужить хотя бы последнюю службу для своих друзей и простых жителей города.

Оставалось найти всего пятнадцать тел, когда появился Мальцев. Когда парень расправился с последним Стражем, Воин был несколько недоволен и, воздействуя на Федора через сон, заставил явиться в зал испытаний.

По итогам испытаний, парень, видимо, чем-то зацепил мастера, хотя чему тут впечатляться, проиграл три из четырех: в случае со скелетоном ему просто повезло. Надо бы еще раз обкатать в памяти слова мастера.

– Итак, мальчик. Времени у нас с тобой совсем немного. Я предлагаю тебе сделку, хе-хе, думаю, тебе понравятся условия. Поскольку ты здесь не по своей воле и способа вернуть тебя домой я не знаю, я могу лишь научить тебя выживать в моем мире. Но! Сначала информация.

Старик поднял указательный палец вверх.

– По обильным остаткам энергии, сохраняющимся даже после твоего появления, можно прийти к выводу, что из твоего мира тебя выдернул кто-то очень сильный, ведь ему не составило труда пробить пределы границ этого мира, перемещая материальный груз. – Старик, в уже изученной, свойственной ему манере сложил руки за спиной и начал покачиваться с пятки на носок, продолжив размышления вслух. – Однако делают подобные магические вещи обычно с какой-то весомой целью, стоящей таких затрат. С другой стороны, то,

что ты в итоге здесь, жив и здоров, приводит меня к мысли, что ты чем-то не устроил того, кто тебя переместил сюда, ну и, собственно, должен радоваться, что остался живым, поскольку существа подобного порядка обычно не следуют нормам человеческой морали.

– В моем положении сложно радоваться происходящему, вы не находите? Сюда меня затащили против моей воли, и единственное, чтобы меня бы порадовало в этой ситуации – это возможность вернуться домой.

– Не думаю, что ты правильно все понимаешь, мальчик. – Федор скривился, его немного коробил формат беседы и снисходительное, как к маленькому ребенку, отношение мастера. – Существа, равные по силе вызвавшему тебя, набирают опыт по нескольку десятков циклов, проходя через такие испытания, после которых в своем уме-то остаться уже успех. Насильно заставить такого монстра вернуть тебя обратно будет практически невозможно и к тому же смертельно опасно. Смирись с этим фактом, ты и в обычном-то плане невесть какой боец, чтобы ставить вопросы ребром, о магии же и вовсе умолчим.

– Это почему же? – возмутился парень, мысль о смирении его только обозлила.

– Хорошим бойцом, – невозмутимо продолжил мастер, – можно считать того, кто посвятил не менее пяти циклов совершенствованию своего тела и начал этот путь с раннего детства. Учитывая, что ты человек, такое тебе даже в отдалённом будущем не грозит. Усмехнувшись, глядя на поскучневшее лицо Федора, мастер пожевал губы, раздумывая над следующими словами.

– Но не все так грустно. Мое время истекает. Энергии в кристалле осталось едва ли на седмицу, потом мое нелепое существование закончится, и ты останешься один.

– Отличная перспектива, прямо сто из десяти, что ж тут хорошего?

– Не перебивай, невежа!

– Извините.

Старик, поиграв бровями, продолжил:

– По нашим обычаям, каждый наставник по итогам обучения должен оставить подарок своему ученику. И хотя изнеженного кота, сидящего передо мной, сложно назвать полноценным учеником, я решил, что подарка ты достоин. – Мастер степенно огладил узенькую бородку.

– А подарком тебе будут мои навыки. Я передам тебе часть своей памяти, немного конечно, три-четыре года, больше не получится – известны случаи, когда в процессе обряда получатель сходил с ума, не сумев сохранить свою личность. К тому же навыки – это не защита ото всех бед, но у меня хорошее предчувствие, так что при должной осторожности такого подарка тебе будет достаточно для выживания.

Старик достал откуда-то трубку, набил ее призрачным табачком и подкурил, получив пламя из воздуха. Магия, да. Попыхивая нематериальным дымком, он на некоторое время погрузился в воспоминания. Мальцев молча ждал продолжения, он уже успел узнать нехитрые привычки этого странного типа, начнешь поторапливать, только больше ждать будешь.

– Ты, наверное, думаешь, зачем я это делаю? Хм. Когда-то, очень давно, был человек, который помог мне стать тем, кем я являюсь сейчас. Помог, не требуя ничего взамен, а долги… долги надо отдавать.

– Мастер, а вы точно уверены, что я останусь в своем уме? – с нешуточным опасением спросил Федор. – Как это закончится?

– Так же как все в этой жизни кончается, мальчик. – Усмехнулся мастер. – Ценой моего дара будет твоя работа, конечно, если ты согласен рискнуть.

Мальцев никогда не страдал оптимизмом и шел по жизни с мыслью, что если где-то тонко, то обязательно порвется или сломается. Поэтому от дополнительного шанса выжить он отказываться не собирался. Ну, перестраховщик, и что? В мире магии и опасных существ, чтобы не попасть на чьи-то зубы, надо самому обзаводиться зубами и поострее.

– Я согласен. Что надо будет сделать? Сразу говорю – убивать я никого не собираюсь.

Старик первый раз по-доброму усмехнулся, таких наивных он не встречал уже очень давно, где-то со времен беготни под столом.

– Слушай внимательно. Я дам тебе камень хранителя, через него ты будешь способен чувствовать посмертные эманации. Это поможет найти своих на достаточно большом расстоянии, но также на это время я стану глух и нем – работа артефакта мешает связи, и тебе придется справляться самостоятельно. Заодно и увидим, насколько ты ответственно подойдешь к работе.

Глава 11. Расплата

Вот уже третий день Мальцев в мыле носился по руинам города, откапывая и перенося в храм останки павших горожан. Работа была адская. Немыслимо болели поясница, руки и ноги. Казалось, он весь покрылся царапинами и синяками от кустов и камней, которыми были обильно утыканы руины. Спасал только отвар, сделанный по рецепту хранителя из трав и ягод, собранных в саду, с ним работать было легче и не так болезненно.

Но хуже всего были посмертные ощущения жителей, которые парень испытывал, касаясь вещей или останков. Несмотря на действие отвара, вгоняющего его в какой-то рабочий транс, психика пасовала перед адскими эманациями гибели людей. Благодаря чертовому артефакту, он в полной мере улавливал предсмертные мгновения жертв осады, словно это происходило с ним самим, их глазами видел убийц и смерть близких.

Бессчетное количество раз он разрывался от горя и гнева, беззвучно плача, но продолжал копать ножом, руками, не замечая сломанных ногтей и ссадин. Вот очередная картинка заставила скрючиться от боли в животе.

Он лежит на полу в луже собственной крови, а в доме два светлых альва допрашивают его рыдающую жену. Альв делает резкое движение рукой, и жена валится на пол с перерезанным горлом, затем с кинжалом, обагренным кровью, наклоняется над кроваткой дочери.

Вот он с маленьким сыном на руках бежит по улице от человека в доспехах. Порванное на спине платье, развевается на ветру как крылья, слишком слабые, чтобы унести из окружающего ужаса. Из последних сил, разбивая босые ноги в кровь о каменную мостовую, поворачивает за угол и оседает на землю, обхватив руками лезвие меча, торчащего в животе.

Сотрясаясь и царапая землю скрюченными пальцами, Мальцев безумными глазами обвел улицу, на которой пришел в себя. Слава богу, в этот раз смерть была быстрой. Сволочь этот хранитель. Если бы только Федор знал, что ему предстоит. А собственно, что бы он сделал? Пока не прочувствуешь на себе, оценить весь этот тяжкий груз чужой гибели попросту невозможно, это вне человеческих сил. Теперь же парень не смог бы отказаться от этой работы уже из собственных принципов, тех, что всегда осложняли ему жизнь. После стольких смертей он ощутил себя частью города, прекратить – значит предать.

С каждой находкой он все дальше и дальше уходил от реального мира, наблюдая за своей работой как бы со стороны. В краткие минуты отдыха равнодушно пережевывал пищу, уставившись в одну точку, он понимал, что прежним уже не стать никогда. Что-то сломалось внутри, что-то, что позволяло ему верить в справедливость мира, если она вообще когда-то была.

Закончив разгребать завал в очередном доме, Федор сложил останки двух детей и их отца в найденный в одном из домов большой котёл и, механически переставляя ноги, пошел в сторону храма. Небо ощутимо потемнело, собравшиеся хмурые тучи обещали скорый дождь. Следует поторопиться, если он не хочет спать в мокрой одежде. Несмотря на спешку этих дней, свою часть работы он так и не успел сделать, оставалось найти ещё двоих; мастер будет недоволен и опять начнет лекцию с нравоучений.

Не доходя до храмовой площади, Мальцев что-то услышал, ветер донес обрывки чьих-то голосов. Похоже на язык эльфов. Насторожило его то, что кто-то лепечет в разнотон умоляющим голосом на гоблинском. Хотя самих языков парень и не знал, но за эти три дня лекций и занятий успел наслушаться их на всю жизнь вперед.

Это не могло быть очередным видением, из серии так часто посещавших его по мере выкапывания останков, бред и явь он худо-бедно научился различать. Аккуратно поставив котел на место, Федор прижался к стене здания и осторожно, добравшись до края, выглянул.

На площади перед храмом четверо эльфов, под ногами у них трое связанных гоблинов. Самый маленький из пленников всё время пытается встать и при этом жалобно что-то лопочет, протягивая связанные руки к стоящей над ним высокой фигуре. Эльфы одеты в одежду преимущественно зеленых тонов, не лишенную изящества. У всей четверки за плечами саадаки. Двое вооружены копьями.

Эльф с медальоном на груди мелодично рассмеялся и, сказав что-то на текучем наречии, лениво толкнул ногой от себя плачущего гоблина, остальные пленники начали извиваться в путах. Мальцев вдруг понял, что плачущий пленник – это женщина, что-то не позволяло ему назвать разумного представителя иного типа существ самкой. Несмотря на свое, не слишком удачное первое знакомство с этой расой, парень почувствовал, как из глубины души начинает подниматься тревожащая волна гнева. Разом забыв обо всех недомоганиях, накопившихся за эти несколько дней, он стал подбираться к группе эльфов. Те всё так же неосмотрительно себя вели, не глядя по сторонам и, кажется, совсем не озаботившись мерами безопасности.

Эльф с синей вышивкой на плаще наклонился над одним из гоблинов и что-то с ним делал, отчего последний сучил ногами и непрерывно мычал сквозь кляп. Женщина, закрыв руками лицо, сжалась в комок и тонко скулила, уже не пытаясь уговаривать.

Наконец мучитель поднялся, показав что-то на вытянутой руке своим друзьям, отчего те разразились подбадривающими репликами и смехом. Мальцев с остановившимся сердцем понял, что это уши. Этот выкидыш аниме отрезал беспомощному пленнику уши!!

Как-то резко расхотелось знакомиться со сказочными эльфами и иметь с ними какие-то дела, а иметь с ними дела как раз стояло в планах, поскольку в связи со своей продолжительностью жизни среди них, как правило, и находились наиболее умелые маги мира, сохранившие знания и силы.

Сжимая во вспотевшей ладони меч Стража, Мальцев выжидал удобного момента. Надо было что-то предпринять, но что? Он не сомневался, что как только эльфы закончат с гоблинами, может прийти и его черед, ведь наследил он изрядно, а светлые альвы славятся своими следопытами. Лихорадочный бег мыслей прервал крик самки; эльф с медальоном потащил к кустам одного из связанных мужчин и, приподняв его над зеленым камнем, перерезал глотку.

У Мальцева в животе словно что-то опустилось, расширившимися глазами он наблюдал, как подтащили второго и, отрубив ему голову, снова окропили камень кровью. Только визг самки заставил его действовать. Словно в помешательстве, он бездумно кинулся на эльфов. Мгновенно преодолев пространство, отделявшее его от сцены смерти, он обеими руками ткнул мечом в спину так и не обернувшегося эльфа, отчего остроухого палача откинуло аж на метр вперед. Меч почему-то не пробил тело, звякнув о плащ; кольчуга, догадался парень. Рубанув по другому эльфу, он уже ни в кого не попал, провалившись в воздух. Эльфы мгновенно рассредоточились, грамотно взяв его в круг.

С земли, недобро ухмыляясь, поднимался обиженный им эльф. Раздался шорох хрустящей гальки: из-за развалин домов на дальней улице показался пятый эльф, который уже натягивал тетиву на лук. Понимая, что шансы с каждым мгновением уменьшаются, Мальцев кинул меч в ближайшего альва и бросился в сторону входа в зал испытаний.

Он почти добежал до лестницы, когда что-то толкнуло его в спину, швырнув вниз.

* * *

Хранитель был вне себя от бешенства, что с ним случалось достаточно редко, особенно ввиду нежизни: в тщательно лелеемый план вмешались какие-то остроухие дуботолки – подстрелили его ученика, небывалый, в общем-то, в практике ранее случай.

Спустя мгновения размышлений он, оскалившись, принял решение. Каждому по делам его! Энергии достаточно на передачу информации и заживление ран, а что более важно, останется даже на одно маленькое, но очень приятное развлечение.

Если бы эльфы видели сейчас выражение лица хранителя, то, несомненно, убежали с криками ужаса.

Рассвет еще не успел начаться, когда Воин, осторожно наступая на каждую ступеньку, привыкая к в общем-то плохонькой координации, выбрался наружу. Вдохнул полную грудь свежего после дождя воздуха, пахнущего прелой

листвой, и не смог избежать возгласа удовольствия. Как давно он не был жив. Пожалуй, слишком давно. Светящимися от остатков энергии глазами он обозрел скорбные развалины и, горестно вздохнув, направился на огонь костра.

Кожу приятно холодил ветер, еле слышно шумели деревья, свиристели птички и упоительно пахли травы. Однако сперва дело! Войдя в боевой транс, он ощутил ток энергии в защитных амулетах беспечных детей леса. Привычным напряжением воли погасил связи в управляющих контурах, это должно замедлить работу защиты. Энергия городского накопителя хоть и была на исходе, однако благодаря сильным ретрансляторам, позволяющим работать с тонкими плетениями, в городе можно было погасить любой артефакт.

Эльф в дивно сработанной синей рубахе с пятью кружевными складками и круглым медальоном на шее, сидящий возле костра, удивленно округлил глаза, поднимаясь. Воин не смог отказать себе в удовольствии и подмигнул ему. Тот, к сожалению, не понял шутки, схватился за лук и что-то гортанно крикнул, привлекая внимание своих товарищей. Да начнётся веселье!

Воин посетовал про себя на слабость тела, оно никак не хотело входить в ритм, имело слабые и непослушные связки, подходящие скорее изнеженному аристо, пренебрегавшему саморазвитием. Тяжело придется ученику.

Изогнувшись на бегу, он пропустил мимо себя стрелу – эльф все-таки успел выстрелить. В пару стелящихся движений приблизившись, Воин легко и плавно ладонями скользнул на плечо и шею противника и, развернувшись, запустил эльфа в ближнее дерево. Не дожидаясь теплой родственной встречи головы эльфа с препятствием, горизонтальным прыжком увернулся от двух стрел, перемещаясь к следующему противнику.

Этот высокий эльф, в кольчуге мелкого плетения, уже успел вытащить небольшой вычурный меч из-за пояса. Воин даже на некоторое мгновение остановился, любуясь переливами лучей ночного светила на клинке, за что чуть не поплатился головой. Эльф умело секанул наискосок, проредив и без того жалкие остатки странной и рваной сверх меры одежки, и не останавливаясь потащил из-за пояса магический жезл. На лице ушастого, к удивлению Воина, застыло отрешенное выражение, должно быть, умелый боец. Непривычно, обычно на него реагировали более эмоционально: страх, ярость, изредка недоумение, но уж никак не равнодушие. Воин даже несколько обиделся.

Опережая противника, коротким, танцующим движением он поднырнул под замах и, оказавшись за спиной ушастого, дернул его за ворот, роняя на землю и перехватывая руку с мечом. Быстрее. С других концов рокария к схватке спешили присоединиться остальные эльфы.

Не задерживаясь более возле упавшего, уже поворачиваясь, срубил ему руку с жезлом. Ближние два эльфа уловили перспективу и поменяли тактику, расходясь в разные стороны, третий изготовил к стрельбе лук. Как ни хотелось ему напоследок повеселиться, времени было маловато, да и с этим непослушным телом вполне можно было получить несколько лишних дырок, которые затянуть уже сил не останется, думал на ходу Воин, набегая на эльфа слева.

Противник умело ушел в сторону, открывая коридор для лучника. Правильное решение, оценил Воин, но несколько запоздалое – хранитель был слишком опытен, чтобы попадаться на такие детские фокусы. Отклонив клинком стрелу, он, наклонившись далеко вперед, молниеносным движением секанул эльфа по внутренней стороне бедра и, резко развернувшись, швырнул меч в сторону лучника. С гудящим звуком клинок ударил не успевшего среагировать противника в грудь, пришпилив к сзади стоящему дереву.

Не дожидаясь итога броска, Воин подхватил в подкате жезл и, выбив попутно раненого в ногу эльфа в сторону, сам сдохнет, быстро осмотрелся. Противники как-то быстро кончились; пятый эльф, предпочел убежать, бросив своих товарищей. Воин чувствовал, как тот все дальше и дальше уходит от места схватки, и, поморщившись, решил не тратить на него оставшееся время. Пусть ученичок сам выпутывается из сложившейся ситуации, он и так ему много дал.

Откинув ногой лук, он приблизился к оставшимся на поляне телам. Совсем хорошо! Эльф без руки поймал одну из дружеских стрел в шею и сейчас тихо лежал, глядя мертвыми глазами в небо. Раненный в ногу тоже не подавал признаков жизни, кровь еле сочилась. Видимо, не рассчитал силы удара, сморщился Воин. Старею, хихикнул себе под нос.

Самый первый «встреченный» им противник завозился у дерева, пытаясь подняться. Счастье или деревянная голова? Если счастье, то весьма спорное. Вздернув эльфа за шиворот как котенка, Воин откинул назад на дерево. Мошонка Баала! Совсем дети. И пятнадцати циклов нет, а туда же, в убийцы.

– Наш клан найдет тебя, поганая тварь! Экзекуторы будут резать тебя на куски, пока ты сдохнешь как грязное животное, каким и являешься! – начал пугать его эльф, пытаясь подняться, а в глазах страх и осознание.

– Что ты можешь знать о смерти? – Усмехнулся Воин и махнул мечом, щадить врагов было не в его привычках. К тому же не факт, что ученику удастся в случае чего справиться с двумя соперниками, и пленник ему такой ни к чему, одна морока.

Стащив тела в одно место, Воин собрал и сложил найденные вещи на приглянувшийся ему плащ. Ученик потом сам разберется, что ему пригодится, а что лучше оставить. Поторопится и всё успеет, ну а нет – сам виноват. До ближайшей заставы длинноухих не менее двух дней пути, беглый эльф раньше туда все равно не доберется, так что время есть. На скорую руку перебрав содержимое сумок, он всё-таки порадовался за своего подопечного, несмотря на неудачное первое знакомство с эльфами, финальная встреча все же окупилась.

Без тени брезгливости переоделся в легкую и удобную одежду, нашедшуюся в сумках. Для этого пришлось обрезать рукава и штанины – самый маленький из них был выше его на голову, хорошо хоть комплекцией совпали. Обувь пришлось оставить свою; кстати искусной выделки кожа, хорошие мастера тачали, но больно уж хлипкая защита для ноги.

Одежку эльфов брать было опасно, но удобство перевесило. Сноса таким вещам не будет, пока встроенные плетения питаются отслаивающейся от ауры владельца энергией, хорошо сохраняет и восстанавливает целостность, а также может самоочищаться. Однако стоит недельку не покормить – настроена только на владельца, ожидаемо дохнет и превращается в простую ткань, проверено. С другой стороны, это все равно лучше, чем имеющиеся у ученика лохмотья.

Осмотрев оставшуюся одежду, Воин вырезал и выломал серебряные и золотые вставки из неё и, не касаясь руками, собрал украшения. Эльфы как обычно щеголяли с кучей красивых безделушек, не мужики, а прямо какие-то прилавки ювелирных украшений. Аккуратно, ножом разделив кучку металла на артефакты и остальное, начал разбивать украшения на подвернувшемся булыжнике и выкорчевывать драгоценные камни: нельзя было оставлять всё в прежнем виде, иначе остроухие обязательно опознают свои изделия у скупщиков и по ним разыщут. Так зачем же помогать врагам?

У эльфа с медальоном нашлось несколько мешочков с травами: различные лечебные сборы, вещь хоть и не очень дорогая, но от этого не менее полезная. Скинуть в общий мешок. В один из мелких мешочков Воин сложил драгоценные камни, в другой – бесформенные куски металла – остатки украшений.

Теперь очередь амулетов. Подцепив кончиком ножа первый артефакт, он подвесил его на воткнутый в стол дерева кинжал перед глазами, так было удобнее исследовать – нет нужды нагибаться. Судя по токам энергии, амулет был предназначен для обогрева путника. Зря говорят, что эльфы способны легко спать на земле, им, как и всем разумным, тепло необходимо, но достигали они результата и без разведения костров. Оставим.

Пара артефактов оказалась защитными, они создавали небольшое энергетическое поле, которое мягко отводило в сторону от владельца летящие с большой скоростью предметы. Один оставим. Ученик еще не скоро научится обходиться без таких вещей, если вообще доживет до развития этого навыка.

Так, это уже любопытно. Он поднял повыше круглый медальон, сделанный из темного металла, в середине круга, в тонкой ажурной оправе мерцал на свету небольшой синий камешек. Эта вещь явно древней работы. Энергии практически не излучает, но по магической схеме Воин догадался, что это нечто из лечебного плана. Пригодится.

О! А вот это уже совсем хорошо – метка хранителя. Как она к ушастым попала вообще? С другой стороны, её наличие объясняет, как они так без проблем и незамеченными пробрались в пределы города. Амулет все так же, несмотря на прошедшие века с момента изготовления, испускает слабую энергетическую пульсацию, которая должна была не дать витарам напасть. Вещь очень полезная, метку Воин сразу надел на шею.

Что там у нас далее? Боевые амулеты придется выкинуть, мальчишка просто не сможет ими воспользоваться – слишком сложная система управления, да и эльфами от них прёт, как от гнома пивом.

Остались четыре костяных кольца для лука и два золотых перстня с непонятными письменами на зеленых камнях, судя по всему клановые.

Воин оставил два костяных кольца, а остальное сгреб в кучу и, широко размахнувшись, выкинул в кусты, гоблины приберут – этим на гнев остроухих плевать с высокой башни. Сняв привязку с оставшейся парочки амулетов, он по одному аккуратно надел их на шею, спрятав за зеленой рубахой и завязав ворот. Артефакты не нужно было подпитывать и контролировать, что было очень неплохо для владельца-неумехи. Срабатывали они от действия, производимого в отношении хозяина полностью самостоятельно.

Пришла очередь оружия. Его оказалось много, и все очень неплохого качества – эльфы всегда ценили хорошие вещи, в этой малости Воин был с ними полностью согласен.

Первым делом он решил проверить магический жезл. Как оказалось, это был артефакт школы огня, даже странно, что эльфы балуются такими вещами, не иначе многое в мире изменилось со времен его смерти. Артефакт имел накопитель на пять зарядов, срабатывал от нажатия на рисунок светила на рукояти. Чем дольше жмешь – тем более мощным будет выстрел и тем быстрее жезл разрядится. То, что для управления артефактом немагических умений очень кстати. Воин не обладал навыками настройки и зарядки подобных приспособлений, скорее он был мастером по выведению их из строя. Положим в сумку, пацан сам разберется.

Теперь клинки. Примеряя по руке балансировку и длину мечей, он был вынужден сделать выводы, что радость от хабара была преждевременной – ни один из клинков не подходил. Для него, впрочем, не составило бы труда и с имеющимися клинками неплохо справляться, однако у подопечного еще не было отработанных навыков и координации, поэтому пришлось остановиться на узких парных кинжалах неудачливого лучника, в полтора локтя длиной с белыми костяными рукоятками. Рукояти, чтобы не бросались в глаза, Воин обмотал кожей под удобный хват, нарезав полоски из клапана сумки – получилось вполне сносно.

На лезвиях кинжалов, возле гарды, был вытравлен затейливый рисунок на растительные мотивы. К сожалению, очень запоминающееся изделие, впрочем, многие знатные люди имели подобное оружие, так что с трудом, но объяснимо.

Так, а это что? На отсвет поверхность лезвия выглядела неоднородной, словно есть более светлые прожилки в металле, Воин проверил – на обоих клинках. Неужели эльфийское серебро. Да нет, не может быть, лезвия с такой структурой

чрезвычайно трудно изготовить, а по цене оно больше подходит членам королевской семьи, чем простым бойцам, пусть и светлым альвам. Ценность подобного оружия в пассивном разрушении магических связей при взаимодействии и, следовательно, крайней опасности для магических существ.

После тщательной проверки оказалось, что такие клинки были только у одного эльфа, что наводило на неприятные мысли. Воин нахмурился. Приключение его горе ученику предстояло откровенно опасное, если в четверке неудачников каким-то боком затесался член правящего рода, эльфы будут искать убийцу до последнего. Впрочем, злорадно подумал Воин, им же хуже.

Ученик, конечно, вряд ли обрадуется. Но тут выбор простой, из одного варианта. Ведь лучше быть слегка сумасшедшим, чем немножко мертвым. Мастер, довольный своим каламбуром, захохотал. Но довольно о приятном, ближе к делу.

Кольчуги придется оставить, продать их без риска не получится, а по размеру ни одна не подходит. Также у эльфов оказалось большое количество метательного оружия, которое пришлось скрепя сердцем выкинуть за исключением четырех неплохих лезвий, которые он положил в перевязь, снятую с эльфа в синей рубахе.

Воин аккуратно перебрал стрелы, оставив два колчана с трехгранными и широкими наконечниками. Остальные, среди которых были и на птиц, и на рыбу, связал в одну вязанку и отставил в сторону: на первых порах ученик скорей всего будет терять каждую вторую из выпущенных стрел, поэтому ему пригодятся все.

Прислонившись спиной к дереву, Воин окинул взглядом аккуратно разложенные вещи и почувствовал, как песочные часы отсчитывают последние песчинки доступного ему времени. Скоро энергия кристалла окончательно рассеется, но перед этим неплохо бы сжечь старую одежду и подкрепиться, непонятно как там, в загробной жизни, с едой.

Эльфы неплохо подготовились перед походом, в сумках были лепешки и сушенное с острыми травами мясо, орехи, сухофрукты и сухари; на поясе эльфа, который ранее носил медальон, даже нашлась фляга с неплохим вином. Запивая лепешку, Воин мысленно поблагодарил врага, у того был отменный вкус, хороший урожай, вино в меру терпкое и слегка сладковатое.

Очень скоро губы и кончики пальцев начали неметь от легкого опьянения, Воин только жалел, что нет хорошей компании, разделить радость последней трапезы. Ощущение тела начало истаивать, первым исчезло самое ценное – чувство прохладного ветерка, сытости и запах еды. Руки бессильно упали на колени, и голова свесилась на грудь, ускользающим зрением Воин с печалью отметил, как вино заливает новые зеленые штаны. Его время вышло.

– Удачи тебе, мальчик, не посрами честь последнего из теней, – произнес он, проваливаясь в молочный туман забвения.

Глава 12. Аэтан

На этот раз пробуждение было бы даже приятным, если бы только не это отвратительное ощущение сырости.

Федор с трудом разлепил глаза и с выражением полного непонимания уставился на свои зеленые штаны с явственным мокрым пятном на самом интересном месте. Переведя взгляд чуть выше, с удивлением обнаружил на себе вместо многострадального свитера, зеленую рубашку и такую же куртку с красивой вышивкой. На ногах все так же были старые кроссовки, зато появилось костяное кольцо на большом пальце правой руки и кожаный наруч на левой. В штаны был заправлен необычно украшенный широкий кожаный ремень.

Левая рука цепко сжимала кусок лепешки, правая покоилась на фляжке из дерева, из которой на брюки слабо капала темная жидкость, с приятным винным запахом.

Мальцев подскочил, отряхиваясь. Так и есть, и сзади уже все брюки мокрые. От резкого рывка тут же разболелась голова, и его чуть не стошнило. С трудом приведя желудок к повиновению, он непонимающе оглянулся. Судя по расположению камней из развалин, это место находится сбоку от входа в подземелье, Федор был здесь уже, когда собирал валежник для костра. Внезапно накатили воспоминания.

Непривычно плавно он поднимается по лестнице, как большой кот, услышавший мышиный шорох. Неподалёку от входа в подземелье горит костер. Там его каким-то образом замечает сидящий у огня «эльф-хохотун», по идее, пламя должно ограничивать дальность видимого.

Эльф невероятно быстро выпускает стрелу из лука, нечеловеческая реакция. Резкое приближение картинки, стрелок с отчетливым хрустом врезается в дерево. Тело парня, как гуттаперчевое, прогибается и красивым пируэтом роняет очередного противника на землю, отрубая ему руку отнятым мечом. Затем умирает третий эльф и второй лучник, нанизанный на меч как диковинная бабочка.

Мальцева снова замутило. Стараясь не думать о том, как тело под управлением наставника раздевало и обыскивало эльфов, он отгонял от себя воспоминания, как по мертвым лицам детей леса ползали какие-то букашки. Мысленно отворачивался от ран, оставленных мастером.

Парню стало заметно легче, когда картинка перешла на сортировку оружия и сжигание одежды. Сам факт избавления от лохмотьев его не возмутил, уделанные в грязи и крови остатки одежды не было жалко, но вот носить чужое было несколько неприятно.

В голове стойко держалась чужая мысль, что Федора будут искать, а значит, надо уходить от этого места как можно дальше. Подрагивающими руками парень поднес ко рту флягу и, с сожалением, отметил, что не осталось ни капли.

Мастер говорил, что сможет передать только бойцовские навыки, которые ещё предстоит закрепить. Судя по представлению в памяти Федора, навыки более чем впечатляющие, даже несмотря на то, что это только пять лет ученичества. Срок шел с момента обучения техникам копья и меча, щедро разбавленным травничеством и алхимией. Тень должна знать и несиловые способы убийств разумных. Мальцев надеялся только, что мастер выбрал это время не случайно, очень уж знания были специфическими.

Странное дело, эти воспоминания он не воспринимал как чужие, словно давно забытый кусок его собственной памяти всплыл в ярких деталях и занял свое заслуженное место.

Со здоровьем мастер также не обманул. От удара стрелы остался лишь белый неровный шрам на груди и на ощупь такой же на спине. Федор еще раз порадовался своему везению, сантиметром левее и всё, не помогла бы никакая магия.

Наставник говорил, что на север отсюда в двух месяцах пешего перехода пограничные селения Фиарии. Неблизкий путь. С другой стороны, могло закинуть и дальше. Надо добраться до ближайшего поселения людей и переждать там: изучить язык, географию, врасти в общество; найти информацию, как его сюда закинуло и возможно ли вернуться домой.

Ну а раз всё решено и иного пути нет, значит, надо подготовиться к переходу. Еда и вода есть. С оружием, насколько Мальцев успел рассмотреть набитые сумки, тоже никаких проблем. Мастер вооружил его с головы до ног.

Ну и самое главное – нужны деньги. Никуда не деться от товарно-денежных отношений. У эльфов в сумках нашлось несколько десятков монет непонятного номинала: золото и серебро. Камушки парень решил по возможности придержать. Даже по меркам цивилизованного мира их неумелая продажа могла быть чревата неприятностями.

Дело шло к обеду, хорошо бы еще успеть постирать одежду, благо запасной не предвидится. Одежда, снятая с трупов, не вариант.

Вода в ключе на площади все так же была холодна и обжигала кожу. Даже от быстрого купания сводило мышцы. Под рубашкой Федор обнаружил три амулета, неясного, но явно связанного с защитой назначения. Амулеты заметно щипали ладонь легкими разрядами, прикладывая их к другим частям тела и пробуя на язык, Федор такого же эффекта не добился. Блин, обезьяна и очки. Надо будет на досуге разобраться с привалившими «воспоминаниями».

Костер он разводить поостерегся, мало ли кого еще принесет на огонек. Развесив на ближайшем дереве одежду, Мальцев взял в руки мечи. Аккуратные, белой кости рукоятки, обмотанные полосками черной кожи. По виду мечи напоминали большие изогнутые кинжалы с узким лезвием и округлой – в овал, рукоятью. К лезвию рукоять утолщалась и переходила в гарду. Конец рукояти и узкая гарда из серебристого металла отстояли под одинаковым углом к клинку. Клинок гарды отклонялся под углом вниз от рукоятки, затем был прямым, но

уже вблизи острия снова изламывался вверх. Форма лезвия напомнила ему турецкий ятаган, очень похоже, только рукоять длиннее.

Странные создания эти эльфы. По рассказу мастера, в места своего обитания, они никого не допускали, зато сами присутствовали почти во всех государствах и все, кроме гномов, с этим предпочитали мириться. Несмотря на удаленность кланов друг от друга, эльфы были единым государством, которое делилось на несколько больших княжеств. Правил эльфами великий князь по праву крови – в какой-то мере абсолютная монархия. В то же самое время правители существующих кланов в своих владениях также имели неограниченную власть.

На этом материке до момента падения Ашкерума – при этой мысли у Мальцева необъяснимо защемило сердце. На секунду замявшись, он продолжил увязывать в логическую цепочку чужие воспоминания, на то время было известно о пяти великих домах. Вряд ли за тысячу лет, столь малый срок для расы эльфов, что-то могло измениться – долгоживущие расы по природе консервативны.

Кроме самих эльфов на материке в состоянии шаткого мира сосуществовало еще семь рас, не считая вампиров и драконов, но последних уже давно никто не видел. Люди являлись самой многочисленной, но в то же самое время самой разобщенной группой – уж кто бы сомневался. Государства людей, по странному стечению обстоятельств, тут Мальцев ухмыльнулся, располагались в пределах плодородных земель юга и юго-востока.

Второй по численности расой, после череды войн на взаимное уничтожение, оставались орки. Они не имели четкой государственности, зато были весьма воинственны и активны: одиночки, по каким-то причинам покинувшие родные места, охотно нанимались в войска людей и занимались охраной торговых путей. При необходимости племена орков без проблем объединялись и быстро организовывали отпор вторгающимся на их земли.

Так как орки вели в основном кочевой образ жизни, а на Аэтане хватало равнин и пустошей, с людьми их интересы плотно пересекались только в области торговли скотом. Мелкие пограничные стычки не в счет, наглый молодняк надо прореживать, да и пограничным крепостям нужна встряска, чтобы стража не жирела.

Третьей по численности расой на континенте считались гномы. По крайней мере, особой естественной убыли населения у них не наблюдалось, в стычки с соседями они не встревали, а между собой гномы никогда и не воевали. Может быть, именно поэтому сумели сохранить и преумножить своё благосостояние. Для расы, легко преодолевающей рубеж в пятьдесят циклов и имеющей впитанный с молоком матери хозяйственный подход к жизни, это должно было бы открыть дорогу к захвату господства на континенте, однако дальше обжитых мест они предпочитали не селиться. Жили коротышки весьма уединенно, протяженные цепи горных массивов, этому немало способствовали.

По слухам, подножие гор гномов изрезано подземными ходами и галереями и скрывает в себе бесчисленные сокровища. Вот только охотников за этими сокровищами почему-то не находилось. Возможно потому, что нрав у коротышек буйный и злопамятный, но на свежий взгляд скорее из-за разветвленной системы гномьих банковских домов. В эту чудовищную финансовую паутину, так или иначе, были вовлечены практически все мало-мальски влиятельные люди континента.

По интенсивности с буйством в гномах не менее сильно развито любопытство, иногда поистине непомерное. Тяга же их к горячительным напиткам и жадность вошла в историю наряду с высокомерием эльфов, прожорливостью и наивностью орков, и двуличием людей.

Немного наособицу от остальных рас стоят дроу и гоблины. Бродят слухи о родственном происхождении этих рас, но только сумасшедший станет громко называть их близкими эльфам и оркам. Как правило, такие пустомели на этом свете долго не задерживаются.

Дроу предпочитают темноту и живут в глубоких и запутанных пещерах на западе материка, под Тайным лесом. Они демонстративно не контактируют с внешним миром, а всех, кто к ним так или иначе попадает, показательно приносят в жертву своим кровавым богам.

Численность дроу, так же как и численность гоблинов, неизвестна. Ни те, ни другие не даются живыми в плен и предпочитают покончить с собой, нежели открывать тайны рода. Однако в свое время в Ашкеруме у темных альвов был собственный район с запутанными подземными галереями, поэтому часть информации правящему совету, в который входил мастер, была известна. Например, то, что у темных альвов была наследственная предрасположенность

к магии смерти, часто рождающая на свет сильных некромантов.

Правящая верхушка Тайного леса и военная знать дроу, почти целиком состояла из женщин, которые с малых лет изучали искусство убийства и магии и к совершеннолетию представляли собой машины смерти, для которых интриги, пытки и убийства в обиходе были сродни чистке зубов – также естественны и привычны.

В отличие от светлых альвов, дроу из вооружения предпочитают арбалеты и короткие клинки, которыми орудуют мастерски. Все верно, плохие воины в атмосфере тайных игр выжить не могут по определению.

Что касается гоблинов, то они обитают на Аэтане только в одном месте – в Запретном лесу. Из могущественной цивилизации, свидетельства которой изредка находят в земле, они превратились практически в первобытные племена, ведущие обособленную жизнь в джунглях.

Кланы гоблинов делятся по родству и управляются религиозной и военной верхушкой племен, посредством проведения тингов (советов), на которых вырабатывается общий план действий. С внешним миром гоблины контактов по возможности избегают, однако изредка выходят к людским поселениям, с целью обмена шкур и лекарственных растений на необходимые им товары.

Несмотря на разнообразие жизни Аэтана, наиболее любопытной расой в этом мире являются все же демоны. В древние времена, когда материк был наполовину заселен эльфами и другие расы составляли вторую половину, в мир в результате загадочного катаклизма пришли дети хаоса. Магия демонов была разрушительной силой, которой поначалу хваленые альвы и искусные магические школы людей мало что могли противопоставить.

Аэтану сильно повезло, что демоны выбрали геноцид местного населения, вырезая всех без разбора. Это, на какое-то время сплотило все расы, и объединенные войска изначальных разумных этого мира сумели дать отпор захватчикам.

После многих кровопролитных войн демонов полностью выбили с материка, однако за ними осталась пара больших островов на востоке, ранее заселенных эльфами. Предприняв несколько самоубийственных атак на острова, эльфы

решили оставить идею освобождения своей земли, тем более остальные союзники их не поддержали.

Кроме перечисленных рас, на материке также существует большое количество полуразумных животных, часть из которых была выведена для забытых уже целей великими магами древности. Большая часть из них смертельно опасна и, к великому счастью разумных, обитает в трудно доступных местах, облюбовав безлюдные джунгли и бескрайние пустоши. Изредка расплодившиеся вне всяких мер твари вырываются в населенную местность, и тогда на долгое время жизнь в пограничных районах угасает.

Не менее неприятным фактом также является существование разнообразной нежити. Разумных спасает только то, что нежить, управляемая ранее сильными некромантами, подчиняется заложенным при создании законам и мирно разлагается в облюбованных ею местах – обычно вокруг темного источника или места силы ушедшего мага, и очень бы хотелось думать, что не в ожидании существа, имеющего право ею повелевать.

Заставить нежить передвигаться в другие районы могли только очень сильные некроманты, которых всегда было мало. От уровня их силы зависело количество контролируемой нежити.

Несмотря на опасность мест их обитания, ассортимент нежити регулярно пополнялся многочисленными охотниками за сокровищами и не менее многочисленными глупцами, что в принципе ввиду конечного итога можно было считать одним и тем же понятием. По негласному соглашению, уничтожались все дети, обладающие силой этого источника.

Вот такой вот приятный экскурс в социологию Аэтана. Слегка содрогнувшись, Федор поблагодарил про себя судьбу, что хоть не в море свалился. Да и призывающий оказался не столь кровожаден. Оскалившись, он пообещал себе обязательно сказать ему спасибо.

Глава 13. Снагги

– До начала существования всего живого в этом мире был только бог – Извечное Древо. Был он вечен, мудр и одинок и, однажды заскучав, забеременел жизнью.

Бог стал цвести, благоухая на все извечное, и однажды созревший на нём плод сорвался с вершины, расколовшись на множество мелких кусочков и раскидав по извечному всё, что ныне существует. – Хромоногий Вирро остановился, уйдя в себя в философских измышлениях. Ученики затихли в ожидании, пока он поймает ускользающую между заскорузлых, но всё еще сильных пальцев старческого мозга мысль. Только пара неслухов продолжала шептаться о своем.

– Ушастый ты неуч! – Вирро обрушил свою клюку на Шикори. – Бестолковая мелюзга! Так и будете друг другу блох всю жизнь вычесывать. Не прославят племя красных платков два мухоблудых колоброда. Кончите как две крысы на закуску варгу, косточек не останется.

– А ты что на меня смотришь как на жареную жабу? – Добавил веса словам учитель, ударяя клюкой по плечам Уксы. – Ну-ка повтори, что я сказал.

– В центре мира стоит древо Шииба, корни дерева находятся в подземном мире, ствол в среднем мире, а верхушка в небесном или верхнем мире.

– Ты продолжи. – Вирро указал клюкой на Нурди, сидящего в первом ряду.

– Все души умерших снагги поднимаются или опускаются по стволу дерева, – прогундосил отличник Нурди, по прозвищу «Сопливый Нос».

– Во-о-от! А почему? – вытаращив глаза на учеников, спросил учитель. Покряхтев для солидности, он оперся на клюку и важно заключил: – Вверх идут те, кто был полезен народу, служил ему, не жалея себя и… Туда точно не попадете вы, шлынды шалопутные! – рявкнул он, кидая клюкой в снова болтающих парней.

Укса невольно почесал загривок, учитель бывал порой скор на расправу, и рука его тяжела, несмотря на возраст. Он снова перевел взгляд на труп старого снагги, лежащий у его ног. От ощущения неправильности происходящего отключились все чувства, только после окрика он спохватился и начал помогать выносить трупы из хижин в центр поселения.

Пробравшись к Оруку – шаману, ученик успел услышать, как Шикори рассказывает, что удалось узнать по следам. Народ снагги были отличными следопытами, и, несмотря на все предосторожности, предпринятые пришельцами, разведчикам удалось узнать, что нападавших было пятеро. Они скрали охрану поселения и затем добили оставшихся ножами. Убили даже детенышей.

Не нашли в селении трёх молодых снагги, самку и двух молодых воинов, которые не могли по возрасту участвовать в охоте. Только к вечеру удалось отыскать уцелевших малышей, прятавшихся на озере в высокой траве. Они дрожали от страха и холода, но все же сообщили, что нападавшими были светлые альвы.

– Месть! Смерть за смерть! – взревели в гневе охотники. Однако, голос Орука легко перекрыл гомон толпы.

– Вот уже шесть полных циклов как я сменил почтенного Абадуса. Кто-то может сказать, что я не был достоин? Молчите? Прожив свои годы, я не слышал историй, чтобы альвы без веских причин нападали на Народ. Мы также не нарушали древнее соглашение, но даже шергард раз в цикл меняет шкуру, а старый Абадус всегда говорил, что альвам нельзя верить ни светлыми, ни тёмным.

Шикори пихнул под руку Уксу.

– Ты видел, они учителя Вирро убили? В спину. Самок тоже всех убили. Умерло племя сегодня, слышь-ка.

– Погоди ты. – Ученик шамана оттеснил плечом уже порядком надоевшего своей болтовней закадычного друга. – Орук должен сказать, что делать, после вождя он в Народе первый.

– Жди, как же. – Словно услышав упрек Шикори, шаман откашлялся и поднял руку, призывая остатки племени к тишине.

– У нас осталось восемь воинов, из них в старший круг посвящено только трое. А эльфы между тем убийцы умелые и из лука стреляют дальше, чем мы копья кидаем.

– Я же говорил, струсит, – прошипел Шикори.

– Поэтому надо звать в помощь народ пустых холмов. – Переждав бурю негодований и ругани, шаман продолжил: – Знаю, знаю. Мы с ними воевали уже несколько раз, и не всегда воины возвращались с добычей. Однако народ пустых холмов ближе всех к нам, если пообещать выступить за них на тинге, то вождь землеройщиков станет нашим лучшим другом.

«Или на одно отверженное племя в лесу станет больше», – подумал Укса. Землеройщики или дети пустых холмов, как они себя называли, были остатками одного из корней Народа. В далеком прошлом вождь этого племени пошел против решения тинга и был изгнан со своими родичами в болота. Против отступников ополчились все, и вчерашние друзья с удовольствием плевали им в спины.

Теперь же, спустя многие циклы, племя землеройщиков стало ощутимой силой в военном раскладе. Вода в болотах была плохая, на пустых холмах не росли деревья, но еды было вдосталь, и самки племени приносили много щенят, но что это за жизнь, ограниченная вонючими кочками. Да, для народа пустых холмов это был шанс.

– Шикори! Ты обойдешь всех соседей, надо сообщить им о нашем горе. Укса, а мы с тобой пойдем к землеройщикам.

Спустя день и ночь, проведенные в чужом племени, ученик шамана понял, почему их обходили стороной. Более занудного снагги, чем вождь землеройщиков, он не видел за всю свою жизнь. Уже успело дважды остыть варево в котлах, а Аюк после рассказа Орука все ещё переспрашивал непонятные детали. Ему было интересно всё: как убили самок, кого утащили с собой, как выглядели следы обуви убийц, во что они были одеты, какие узоры были на одежде. После каждого ответа на вопрос вождь надолго задумывался и умолкал.

Шаман вопреки обыкновению вел себя очень сдержанно и покорно повторял все, что просил его Аюк. Под конец переговоров Укса был готов убить их обоих, лишь бы не слышать, как они спокойно обсуждают смерть соплеменников, и это несмотря на то, что он был помощником шамана племени и его с детства учили терпению.

Теперь же, мчась по сонному лесу вслед за отрядом, который вел Аюк, он не мог не изумиться, как спокойно и быстро они обходили ловушки, расставленные еще воинами племени красных платков. Мелькнула страшная мысль, что землеройщики уже не раз ходили этой дорогой, не зря, видимо, племя синекожих и воины желтых черепов на северной границе жаловались, что кто-то крадет их самок.

Бег они начали еще вечером и до сих пор не останавливались на отдых, хотя рассвет уже наступил. Ученик шамана, весь в думах, чуть не упал, столкнувшись со спиной неожиданно остановившегося воина землеройщиков. Шаман стоял, подняв руку, отвечая на знак, Укса немедленно подошел.

– Ученик, ты слышишь напряжение?

– Да, учитель, но я думал, что лес так реагирует на зем… воинов пустых холмов, – быстро ответил он.

– Молодежь, – недовольно пробурчал шаман. – Мы один народ, несмотря на давний раскол. Подумай, кто еще мог, не оставляя следов, пройти по нашему лесу.

– Правильно, эльфы, – увидев в глазах Уксы ответ, подтвердил старый шаман.

– Так почему же я остановился? – Хитро посмотрел учитель.

Укса, закрыв глаза, начал мысленно ощупывать пространство вокруг себя. «Как же он мог проглядеть?! Тупица! Гриб безглазый!» Вокруг ощущались остатки ворожбы светлых альвов, этот привкус он ранее ощущал в разоренном поселении, только здесь пахло не остаточным фоном, а было нечто упорядоченное.

– Молодец, догадался. – Шаман довольно ощерился щербатым ртом. – Это сигнальная паутина, стоит ее задеть, и эльфы узнают, что по следу кто-то идет. Есть и ещё одно неприятное известие. – Шаман повернулся к вождю землеройщиков. – Эльфы ушли к запретному городу.

– Что будем делать? – Аюк присел на корточки, положив копье на плечо. – В город нельзя входить без жертвы.

– Готовьтесь, сейчас я замкну паутину на некоторое время, мы должны успеть пересечь границы. Шаман достал из мешка за спиной какую-то травку, кинул ее в рот и принялся жевать, положа руки на свой посох.

Навершие посоха почти тут же начало пульсировать в такт шепоту, который словно стал издавать лес вокруг. Воины заметно напряглись и отошли подальше, мало ли какое колдунство приключится, а жить-то хочется. Про шаманов и Орука, в частности, ходили неприятные истории, если не назвать их страшными сказками. Говорили, что шаман крадет души своих врагов и в плохом настроении насылает немощи тем, кого не любит. Конечно, Укса не верил в такие россказни, он жил рядом с учителем уже немало времени, но и ему порой было не по себе.

Шаману принесли здоровенную болотную крысу с зубами в палец длиной, она отчаянно дергалась в путах, пытаясь укусить крепко держащих её охотников. Усыпив крысу одним прикосновением, от чего воины благоговейно охнули, шаман резким движением всадил острие посоха в тушку. По древку артефакта снизу-вверх пробежали светящиеся змейки, он резко вспыхнул и погас, а тело зверька мгновенно высохло, словно долгое время лежало на сильном солнце.

Шаман махнул рукой, можно идти. Бесшумно огибая кусты и деревья, воины рассыпались по местности, пробираясь к пролому на месте ворот. Укса восторженно выпучил глаза, ранее он в запретном городе не был, племя чтило правила, установленные старейшинами. Следя за уверенно скользящими по развалинам воинами чужого племени, Укса сделал вывод, что, в отличие от него, землеройщики были тут частыми гостями.

Впереди отряда двигались трое разведчиков, они должны были предупредить об опасности; добравшись до открытого пространства, разведчики остановились и один из них вернулся к вождю с какими-то известиями. Остальные рассыпались по местности, взяв вождя и шаманов в условное кольцо.

Аюк, уже не таясь, подошел к Оруку.

– Шаман. Мои люди говорят, что на том ровном месте среди деревьев, где нет камней, следы крови снагги и эльфов.

Приблизился еще один воин, с непомерно большими ушами, это за ним ученик шамана бежал всю дорогу.

– Вождь! Мы нашли их.

* * *

Стоя у обезображенных трупов сородичей, Укса думал, что в лесу что-то изменилось, что-то стало настолько иным, что позволило неправильно умереть детям Народа. Умереть не на войне и не на охоте, а просто так, как скоту, под ножом пришельцев из говорящего леса. Всем троим зачем-то отрезали уши.

Вождь землеройщиков, выслушав разведчика, повернулся к шаману.

– Мои воины нашли эльфов. Неподалеку в земле лежат, их прикрыли ветками, но спрятать даже не пытались. Вещи при них – мало что взято, нет денег и украшений, в сумках рядом нашли уши ваших родичей. Воины требуют отрезать головы эльфам и насадить на колья, за то, что они сделали. Мне будет трудно их сдержать от необдуманных действий, парни горячие. Некоторые уже просят позволить им отомстить рейдом, напав на стражей говорящего леса.

– Вождь, ещё мы нашли след дневной давности. Тот, кто убил эльфов, ушел в сторону пустошей, если поспешим, сможем его догнать.

– Что думаешь, шаман? Я считаю, что нужно забрать своих и предать их обряду прощания, пока трупы не стали пахнуть. Эльфы о своих сами позаботятся, наверняка уже ищут свой отряд. Отомстить же мы всегда успеем. Стоит только забрать головы пришельцев в назидание долговязым, пусть помучаются, объясняя родичам, куда они подевались.

– Мы не будем резать им головы, Аюк, и не прекословь мне. – Поднял руку шаман. – Я прожил долгую жизнь, знаю, что говорю. Пока мы не получим разрешение от совета, все мы будем ждать и только.

– Если бы я не знал тебя ранее, я бы подумал, что ты труслив как болотная крыса, – наконец произнес Аюк. – Даже ученик с тобой не согласен. – Кивнул он

на серого от гнева Уксу. – Но ты никогда не давал пустых советов.

– Я знал, что найду в твоем сердце понимание. Для твоего племени всегда найдется место у нашего костра. – Приложил руку к груди шаман.

Укса вытаращил глаза, это было всё равно, что разрешение присоединиться к племени и разделить кров, и все это, не дожидаясь ответа тинга. Старейшины не простят Оруку откровенного своеволия.

Один из беззвучно появившихся откуда-то разведчиков поспешно зашептал что-то в ухо довольного вождя землеройщиков. Ученик шамана, по изменившемуся лицу последнего, понял, что случилось что-то неприятное.

– Эльфы, семь неполных рук, – коротко сказал он. – Уходим.

Глава 14. А мы пойдем на север

Пока Мальцев блуждал в воспоминаниях, ветер успел сдуть всю воду с кожи и теперь резкими холодными порывами выбивал из тела дрожь. Поскольку единственный доступный сейчас способ согреться был размяться физически и заодно проверить себя, парень решил не откладывать это дело в долгий ящик.

Покрутив кистевыми движениями клинки, он размял плечи и, покачав головой вверх-вниз, влево-вправо, перехватил рукояти мечей ближе к гарде. Направив клинки вверх и в сторону воображаемого противника параллельно друг другу, руки полусогнуты, плечи слегка опущены, Фёдор ненадолго застыл в стойке, словно вспоминая.

– Спину держи прямой, скотина. Кисти расслаблены. Следи за ногами. Волосатые яйца Шеола! Что за деревенщина! – раздался из глубин памяти скрипучий голос.

«Что это? Очередной глюк? Крыша едет? Интересные ингредиенты в зелье». – Федор помотал головой, выкидывая из головы мысли.

Выпад вперед правой рукой, левая в средней позиции уводит клинок соперника. Снова удар правой, левая защищает правый бок. Сдвоенный удар слева сверху, прыжок, клинки перекрещены, удар в торс.

Тело удивительно послушно исполняло переданные мастером связки и приемы, начиная действия ещё до того, как парень подумает о логическом продолжении – на уровне рефлекса. Федор решил попробовать увеличить темп, но сразу же сбился: на очередной связке меч вырвался из левой руки и на ладонь воткнулся в землю в опасной близости от ноги. Спину обдало холодком запоздалого страха.

Стало ясно, что простым повторением приемов ничего не добиться, надо укреплять связки. С другой стороны, соваться в лес без подготовки еще опаснее самостоятельных тренировок – второго шанса злобная фауна ему не даст. Компоненты же для совершенствования физического состояния росли именно в лесу, достаточно далеко от города. Вот уж повезло, так повезло.

Кстати… Присев отдышаться под дерево, он закрыл глаза, вороша закладки в памяти, доставшиеся от мастера. Всплыли названия: «повелитель зверей», «отводящий стрелы» и «лечебный». Вроде бы первый должен был помочь при встрече со зверюгой, Федору оставалось лишь надеяться, что сработает. Этих животных, представителя которых ему не повезло встретить, специально разводили для патрулирования пограничной территории. Вроде как они из ряда долгоживущих, поддаются дрессировке и даже обладают примитивным разумом.

Федор попытался вспомнить, что еще говорил ему мастер. Виски пронзила боль, выдавливая слезы из глаз, а в голову ворвался ворох чуждых воспоминаний.

Он стоит на ступенях громадного здания. Сумерки. Стылый осенний ветер рвет скудную одёжку и заставляет прижиматься к старшему брату, который отеческим жестом гладит его по голове подрагивающей рукой. Брат разговаривает с высоким человеком, одетым в светлую свободную одежду. Лицо его собеседника никак не получается различить, просто светлое размытое пятно.

Брат получает деньги и с поклонами и слезами на глазах пятясь уходит. Он же тщетно рвется из крепких рук монаха, протягивая руки и умоляя не оставлять

его тут. Картинки сменялись, со звоном подталкивая друг друга и смешиваясь. Голоса и образы теснились в голове, то приближаясь, то откатываясь подобно прибою.

Вот он стоит перед невысоким седым человеком, мастером гимнастики, раскручивая между собой и им легкий деревянный шест. Ловко чередуя удары, нападает на своего учителя, стараясь ударить или на худой конец просто задеть. Неуловимое тягучее движение, шест прилип к рукам мастера, короткий полет кувырком на плиты храма и обидный смех младших учеников.

Тайком вытирая слезы, он идёт назад в стайку молодых послушников. Высокий для своего возраста послушник, с такой же бритой головой, как и у него, поворачивается и хвастается тем, что продержался на сто капель дольше. Его имя Аксантис, он сын богатого вельможи.

Этот же послушник, но уже с более взрослым лицом и уже не такой высокий, напротив него с мечом и круглым щитом в руках.

Бой. Быстрый обмен ударами. Зацепив противника за ногу, он выбивает меч из рук Аксантиса и своим коронным ударом, рукоятью меча, отправляет его на плиты все того же храма. Соперник вскакивает с красным от гнева лицом и кидает что-то в глаза. Боль! Ничего не вижу. Крики. Шум голосов.

Настоятель объявляет прошедших испытание. Завтра они станут младшими адептами и получат право на время покидать храм.

Жар, боль, страшно чешется кожа на спине и макушке, теперь символ храма всегда с ним.

Первое задание.

Ночь. Город. В спальне богато украшенного дома темно. Бледное, вспотевшее лицо с глазами, полными страха и обреченности. Аксантис?! Он рвется из пут, но тщетно, нас очень хорошо учат.

– Ты пришел убивать, оборванец?! Стой! Пожалей мою жену, она скоро принесет ребенка. У тебя что, сердца нет?

– Ты предал дело клана. Семеро наших послушников по твоему доносу умерли на дыбе. Наставник просил передать тебе послание. Твой голос мертв, а глаза полны тьмы. Храм забирает то, что дал тебе!

– Вы все только и можете, что убивать беззащитных. – Он плюет мне в лицо.

Удар меча. Женский вскрик. Ещё удар. Кровь на дрожащих руках. Слёзы. Тишина, только в углу комнаты мычит, бессильно пытаясь подняться, обрубок без имени, глаз и будущего.

Храм. Ночь. Крики боли и смерти. Мертвые тела на плитах из серого мрамора. На него нападает кто-то в темной одежде. Слишком медленно. Короткая песнь клинка, на пол падает труп без головы.

Его окликают. Настоятель с двумя младшими послушниками, Давлин и Ускар.

– Пойдём со мной. Мы уже никому не поможем.

Картинка сменяется. Новый дом. Храм в большом городе. Город освещен последними лучами солнца, стекла окон храма словно светятся изнутри, пылают светилом. Голоса многочисленных жителей. Красивые одежды и украшения старших жрецов.

– У нас мало времени, а он не кажется хорошим воином.

– Хоть ему и минуло всего два цикла, ни один из клановых бойцов и близко не сравнится с его умениями.

– Проверьте его, братья.

Палящее солнце. Пересохшие растрескавшиеся губы. Мы обязательно дойдем. Ускар падает, в спине его стрела с зеленым оперением. Эльфы. Что они тут делают?

– Беги! Мне уже не спастись, – хрипит Давлин. Из его ран на ногах и спине кровь сочится не переставая. Торжествующие крики за песчаными холмами.

Утро. Храм. Я принес то, что вы просили. Настоятель с каменным лицом. Старшие адепты достают из шкатулки кроваво-красный камень. Эта безделушка – цена жизни двух его братьев. Теперь он совсем один.

– Ты хорошо поработал. Утром мы объявим тебе волю Шеола. Саргон.

– Саргон?! Моё… Меня зовут Федор, – ломая чуждую ему волю, выдавил из себя Мальцев. Он стоял на коленях неподалеку от ручья, голова гудела как колокол. Из носа на руки ручьем лилась кровь.

«Что это было? Это точно не моя жизнь. Мастер, наверное, что-то напутал. Я не должен этого помнить», – пронеслось у него в голове.

Так недолго и совсем сбрендить. Не хотелось бы превратиться в ходящего под себя идиота, непомнящего свое собственное имя. Добравшись до ручья, Федор смыл кровь и с трудом встал на ноги.

Очевидно, триггером послужили занятия с клинками. При использовании навыков мастера всплывает его память. Сомнительной ценности довесок. Кроме всего прочего, частично передались и эмоции. К примеру, при упоминании эльфов Мальцев чувствовал теперь нездоровую ненависть, которую с трудом контролировал. Он, конечно, после того, что видел, и так не сильно любил детей леса, но сейчас гнев при упоминании просто накатывал громадными волнами.

Вспомнив про эльфов, Федор вспомнил и об ограниченности времени: недобиток наверняка уже добежал до стражей леса, а там и до появления новых гостей недалеко. Несмотря на шум в голове, у парня уже был готов примерный план действий, к которому он и поспешил приступить.

Оттерев от крови штаны, Мальцев побежал по улице Процветания, он мог теперь на память перечислить все названия в городе. Легко пробираясь через препятствия, он не мог не отметить серьезного улучшения координации. Или, может, это было новое, приглушаемое ранее чувство уверенности в возможностях своего тела?

Метров через полста по правую сторону улицы он заметил искомое – развалины республиканского банка. В городе было несколько гномских банков, но предусмотрительные коротышки успели вывезти золото за несколько дней до

начала осады, где-то сохранив свои капиталы.

Войска, ворвавшиеся в город, имели дозволение пленных не брать, убивали и грабили всех, кого встречали на улицах. Как и следовало ожидать, наемники первым делом нападали на богатые дома и лавки, вынося всё мало-мальски ценное. Не избежали этой участи и банкировские дома.

В отличие от гномских банков, похожих на миниатюрные крепости с окнами-бойницами, республиканский банк был под стать летнему дворцу короля. И как самому красивому зданию в городе, ему больше всех и досталось. Наемники вырвали все, что можно было вырвать из украшений, унесли всё, что можно было унести. Республиканский хран был очищен даже от меди, которой там было немалое количество. Мародёры не учли только одного – в банке было два хранилища.

Пробежав здание искомого банка, он свернул направо и остановился напротив скромного серого домика с обвалившейся внутрь крышей. Как и во всех других домах, в нем не хватало окон и дверей, сломанных и рассыпавшихся много лет назад. Пробравшись в подвал здания, Мальцев подивился мастерству умельцев, маскировавших хранилище: по внешним признакам никак нельзя было догадаться, что в доме есть ещё что-то, кроме крыс и паутины.

Этот невзрачный домик использовался как ход в дополнительное хранилище, которое должно было уберечь часть казны при любом стечении обстоятельств. Спустя час перетаскивания обломков потолка и стен парень проник в удивительно хорошо сохранившийся подвал; отсчитав от дальнего от входа правого угла пять кирпичей влево и двадцать кирпичей снизу, он надавил на кладку. Кирпич с шорохом ушел в стену. Сбоку образовавшейся ниши, в углублении, находилось запорное кольцо. Молясь про себя, чтобы механизм был исправен, Федор потянул за него и облегченно выдохнул, только услышав скрип.

Часть стены провалилось вперед и вниз, образовав коридор в полтора метра высотой. Запалив факел из захваченной им с собой ветоши и чихая от поднявшейся пыли, Мальцев пригнувшись прошел внутрь. Сразу после коридора вниз, лаз расширялся и превращался в небольшой сухой зал, три на три метра, с решеткой в дальнем углу. На полу валялись остатки костра, кто-то разводил его прямо в хранилище. Возле костра сохранились остатки костей, обрывки железной брони и монеты различного достоинства.

Пройдя сквозь открытую, прекрасно сохранившуюся металлическую решетку, парень попал в комнату с двумя стальными дверями. Ближняя дверь висела на одной петле, носила следы взлома и была сильно покорежена, словно ее чем-то продавливали внутрь, одновременно поджигая. Отодвинув мешающую пройти створку, он в неровном свете факела увидел виновника разрушений – на груде мешков посреди помещения лежал скелет в истлевшей одежде. Судя по всему, это один из оставшихся запертых стражей, Федор усмехнулся черной иронии – умер на работе: хранилище можно было открыть только снаружи, и те, кто его охранял после падения города, остались погребены внутри. Под самый конец забытые внизу охранники были вынуждены есть крыс, а затем, судя по костям, и друг друга.

Удивительно спокойно – еще какие-то несколько дней назад никакие коврижки не заставили бы его подойти к трупу, вытащив один из мешков из-под ноги мертвеца, – Федор обнаружил в нем золотые монеты. По памяти, доставшейся ему, он знал, что это республиканские нобли – золото с небольшой примесью меди.

Не то. Учитывая, что с момента падения города прошло более тысячи лет, человек, расплачивающийся золотыми монетами несуществующего города, вызовет ненужные подозрения. Сдвинув еще пару мешков, он наконец нашел, то, что искал. В мешке, нисколько не потускнев от времени, весело поблескивая, лежали ауреи – валюта гномов. Если и было в мире что-то незыблемое, так это деньги подгорного народа.

Набрав в пустой мешок пару килограммов, он решил отложить дальнейшее обследование хранилища на более подходящий случай. Выйдя и обвалив стену на снова закрытый вход в подвал, Мальцев решил, что достаточно хорошо скрыл цель своего посещения. Вряд ли кто-то будет досконально изучать следы его перемещений по городу, для этого нужно будет проверить как минимум половину сохранившейся территории.

Сложив ценности в сумку эльфов, Федор решил разобраться с вооружением и перенес выход на утро, быстро идти по лесу вечером он всё равно не сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shubin_vladislav/put-mecha

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить